

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Зональная научная библиотека имени В. А. Артисевич

представляют виртуальную выставку

«Анна Каренина» в иллюстрациях русских художников

Саратов
2023

АННА КАРЕНИНА

РОМАНЪ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО

ВЪ ВОСЬМИ ЧАСТЯХЪ

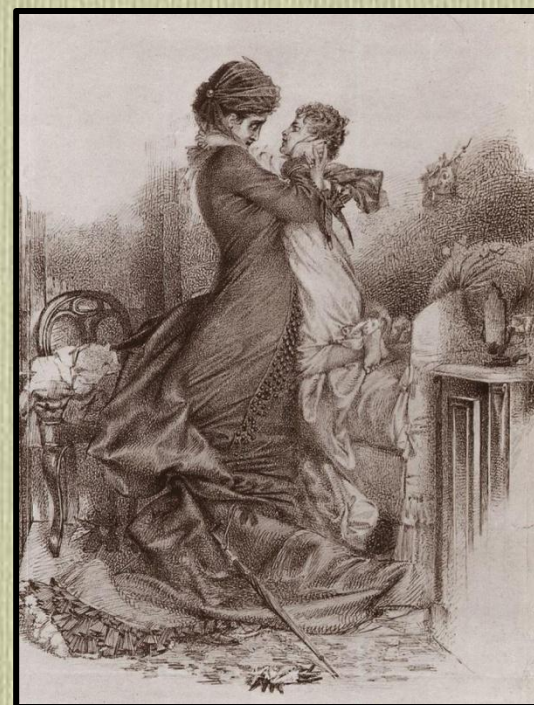
ТОМЪ ПЕРВЫЙ

МОСКВА.
ТИПОГРАФИЯ Т. РИСКЪ, у яузской ч., докъ медынцевой.
1878.

«Анна Каренина» (время написания 1873—1877; журнальная публикация 1875—1877; первое книжное издание 1878) — лучший роман о трагической любви замужней женщины, написанный в XIX веке. По словам Ф. М. Достоевского, «Анна Каренина» поразила современников «не только вседневностью содержания, но и огромной психологической разработкой души человеческой, страшной глубиной и силой». Уже к началу 1900-х годов роман Толстого был переведен на многие языки мира, а в настоящее время входит в золотой фонд мировой литературы.

Титульный лист первого издания 1878 г.

М. Врубель «Свидание Анны Карениной с сыном» 1878 г.

**Михаил Михайлович Щеглов
(1885-1955)**

Источник фото: Художник-публицист Михаил Михайлович Щеглов : фото. – Изображение : электронное // НОВАТОР : сайт. – 2023. – URL : <https://i0.wp.com/novator.ru/wp-content/uploads/2021/05/image-000-1.png?resize=225%2C300> (дата обращения: 14.04.2023).

Михаил Михайлович Щеглов (1885-1955) – художник-график, карикатурист, иллюстратор книги.

Родился Михаил Щеглов в Самаре. Его отец, работавший в изыскательской партии, много ездил. Вместе с ним путешествовал по стране и Миша. Именно тогда зародилась в его душе страсть к путешествиям, негасимая любовь к народу.

Способности к рисованию проявились у мальчика в Красноярске. Его мать поступила экономкой в семью известных золотопромышленников Кузнецовых, глава которой помог в своё время великому русскому художнику В. И. Сурикову поступить в Академию художеств. Кузнецовы дали одарённому мальчику рекомендательное письмо к Сурикову. Василий Иванович тепло встретил юного земляка и посодействовал поступлению одарённого юноши в Строгановское художественно-промышленное училище, которое тот окончил с отличием и был удостоен звания рисовальщика.

За участие в студенческом революционном движении 20-летний художник был сослан в Томск. Распоряжением тов. Министра торговли и промышленности от 6 ноября 1906 года он был определён на службу в Первое Коммерческое Сибирское училище в Томске штатным преподавателем рисования.

В то время М. Щеглов много пишет маслом и акварелью, рисует карандашом и пером. Проникновенно, с любовью работает в области пейзажа и бытового жанра, помещает политические карикатуры в сибирских газетах и сатирическом журнале «Силуэты Сибири». Михаил Щеглов занимался книжной иллюстрацией, с его рисунками было издано несколько книжек в издательствах Сытина, Тихомирова, Ионовой.

В 1910 году М. Щеглов получает заказ от известного московского издателя И. Д. Сытина на иллюстрирование роскошного посмертного издания романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». На полученные от Сытина средства Щеглов осуществляет свое заветное желание – поездку за границу, в овеванную мечтами Италию, где встречается с А. М. Горьким.

В 1911-1912 годах он издал серию рисунков из жизни нарымских остяков, а также иллюстрировал детские книги «Лесная сказочка», «Авиационная неделя» и «Царевна Динь». За время службы в Сибири М. Щеглов проявил себя не только как талантливый художник, но и как педагог. За усердную службу Михаил Щеглов был награждён орденом Св. Станислава III степени.

В период первой мировой войны Михаил Михайлович Щеглов переселяется с семьёй в Рыбинск и преподаёт рисование в коммерческом училище. Здесь его застают февральская и Октябрьская социалистическая революции. Радостно переживая эти величайшие исторические события, художник всю свою кипучую энергию отдаёт строительству советской культуры. Он становится оформителем улиц и площадей к революционным праздникам, агитатором-пропагандистом, театральным декоратором, живописцем и карикатуристом.

Щеглов читает лекции об искусстве крючникам, водникам, железнодорожникам, красноармейцам, учащимся. Свои выступления он сопровождал специально заготовленными на данную тему рисунками. Обладая редкостным чувством юмора, мог вызвать в любой момент весёлую реакцию аудитории. Поэтому у него никогда не было недостатка в слушателях.

В апреле 1918 года в «Рыбинских известиях» появляется программная статья М. Щеглова об открытии под его руководством художественной школы-студии Пролеткульта. Он много сделал для неё. И с течением времени в павильоне на бульваре около реки Черемхи стали периодически открываться выставки с поощрительными премиями за лучшие работы. В Рыбинске у Щеглова было много талантливых учеников. Более пятидесяти из них стали профессиональными художниками.

Цитируется по: Художник – Михаил Михайлович Щеглов. – Текст : электронный // Лаборатория Фантастики : сайт. – 2005-2023. – URL : <https://fantlab.ru/art11813> (дата обращения: 14.04.2023).

В 1923 году М. М. Щеглов вместе с семьёй уезжает из Рыбинска в Крым. Живя в Симферополе, Щеглов создал оригинальную форму художественной агитации в виде летучих листов – «Партвентилятор» и «Профтачка», выпускаемых на съездах и конференциях.

В 1925 году художник переезжает в Харьков, с которым связан один из самых плодотворных периодов его жизни. Здесь Михаил Михайлович иллюстрирует произведения Горького, Некрасова, детские книги. Его рисунки появляются во многих украинских журналах и крупных газетах.

С первых же дней Великой Отечественной войны Щеглов стал выпускать в Харькове «Окна ТАСС». Будучи эвакуированным в Томск, он и здесь продолжил это дело.

В конце 1944 года Щеглов опять переезжает на работу в Крым. После войны художник много и плодотворно работает в области книжной графики, оформляет ряд спектаклей в Крымском областном драматическом театре, сотрудничает в центральных газетах и журналах.

Михаил Михайлович Щеглов умер от неизлечимой болезни сердца. Прикованный недугом к больничной койке, он работал до последнего часа, рисовал или писал свои записки «старого художника».

Цитируется по: Щеглов Михаил Михайлович, 1885-1955. – Текст : электронный // Рыбинский музей-заповедник : сайт. – 2018. – URL : <http://iss.rybmuseum.ru/entity/PERSON/661/> (дата обращения: 14.04.2023).

**Александр Викторович Моравов
(1878-1951)**

Источник фото: Александр Викторович Моравов : фото. – Изображение : электронное // Тверская областная универсальная научная библиотека им. А. М. Горького. Краеведческий информационный центр : сайт. – 2013-2023. – URL : <http://tpd.tverlib.ru/sites/default/files/moravov.jpg> (дата обращения: 24.04.2023).

Александр Викторович Моравов (1878-1951) – русский советский художник, член Товарищества передвижников, действительный член Академии художеств СССР (1949). Заслуженный деятель искусств РСФСР (1946). А. В. Моравов вошёл в историю искусства как мастер бытовой и историко-революционной картины, как портретист и один из основоположников советского индустриального пейзажа.

Александр Викторович Моравов родился в семье врача на Украине. На выбор профессии повлияли ближайшие друзья отца, знаменитые художники М. А. Врубель и Н. Н. Ге.

Воспитанник киевской художественной школы Н. И. Мурашко, а затем Московского училища живописи, ваяния и зодчества, ученик прославленных русских художников А. Е. Архипова, Н. А. Касаткина, К. А. Коровина и В. А. Серова, юный художник глубоко усвоил демократические взгляды на искусство. Его дипломную работу «Мать» (хранится в Государственном Русском музее) высоко оценил И. Е. Репин.

В 1904 году за картину «Уборка картофеля» А. В. Моравов был принят в члены Товарищества передвижных выставок. Там он сближается с такими выдающимися русскими художниками как И. Е. Репин., В. И. Суриков, В. Е. Маковский и В. М. Максимов. Александр Викторович Моравов столкнулся с жизнью крестьян после того, как в 1903 году он поселился в Тверской губернии. Здесь он сложился как художник-жанрист и пейзажист.

Цитируется по: Художник – Александр Викторович Моравов (1878-1951) : 135 лет со дня рождения. – Текст : электронный // Тверская областная универсальная научная библиотека им. А. М. Горького. Краеведческий информационный центр : сайт. – 2013-2023. – URL : http://tpd.tverlib.ru/ru/2013_moravov (дата обращения: 24.04.2023).

Ещё в дореволюционные годы Моравов стал состоявшимся художником. Его картины часто экспонировались на отечественных и зарубежных вернисажах, а также охотно приобретались музеями.

В 1917 году Александр Моравов горячо принял Октябрьскую революцию, поддержав её своим творчеством и кипучей деятельностью. В 1923 году Моравов вступил в члены Ассоциации художников революционной России (АХРР). Наряду с художественной деятельностью он активно работал как пропагандист: оформлял революционные праздники, клубы, рабочий театр в «Максатихе». А. В. Моравов участвовал в деятельности Комитетов бедноты и в комиссии по охране памятников искусства.

Много жизненных наблюдений художника проявляется в картинах 1930-х годов, написанных в деревне Акулово Удомельского района. Лучшей из них является картина «Подсчёт трудодней», полная солнца и радости. Моравов умел в будничном, повседневном, увидеть высокую поэзию, подняться над единичным фактом, дать художественное обобщение явлениям жизни. В каждой из его картин были созданы убедительные образы людей, глубокие по своей внутренней характеристике. Так открывается ещё одна сторона таланта Моравова – его дар портретиста.

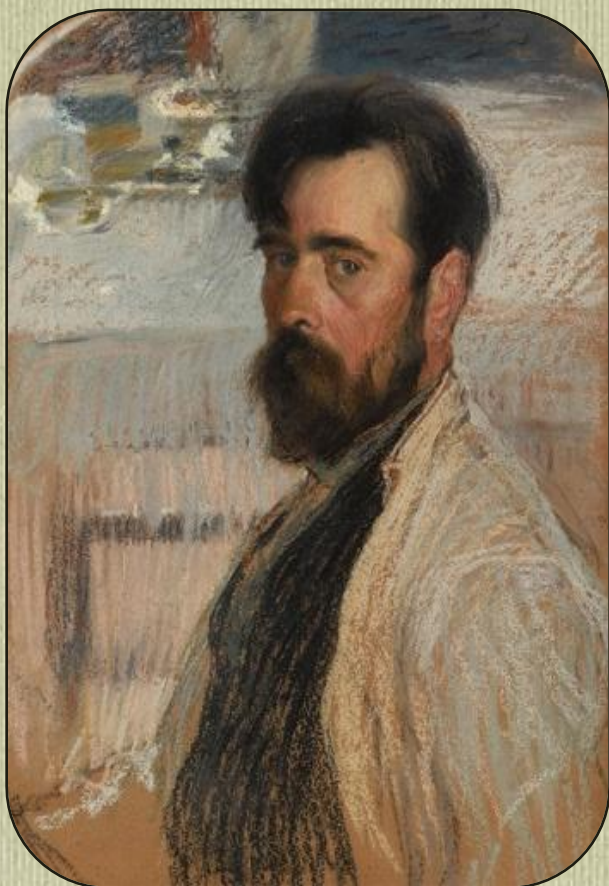
Самое главное в его портретах – одухотворённость изображённых людей, кого бы ни писал художник. Рабочий-ударник, студент, старая помещица или молодая колхозница – в каждом человеке он умел найти самое главное, «зёрнышко» его души, поэтому каждый из его портретов прекрасен и неповторим.

Произведения Моравова находятся во многих музейных собраниях, в том числе в Государственной Третьяковской галерее, Тверской областной картинной галерее, Курской государственной картинной галерее им. А. А. Дейнеки и других.

Цитируется по: Моравов Александр Викторович. – Текст : электронный // Искусство без посредников : сайт. – URL : <https://ot-ido.art/artist/page?id=262> (дата обращения: 25.04.2023).

**Алексей Михайлович Корин
(1865-1923)**

Алексей Михайлович Корин (1865-1923) – русский живописец, профессор Московского Училища живописи, ваяния и зодчества.

Судьба художника Алексея Михайловича Корина по-своему драматична. Талантливый живописец, автор многочисленных портретов, пейзажей и жанровых композиций, член Товарищества передвижных художественных выставок и непременный участник экспозиций этого объединения с 1891 по 1922 год – он был со временем почти совсем забыт, и имя его лишь эпизодически появлялось в мемуарной литературе и специальных изданиях.

Алексей Михайлович Корин принадлежал к известной династии палехских иконописцев. Дед художника владел небольшой иконописной мастерской и был известным миниатюристом. Талант к изобразительству передался от деда к внуку, ибо отец не поощрял занятий сына рисованием. Интересно, что по некоторым данным школу иконописи Алексей Корин проходил у дяди – Д. Н. Корина, отца впоследствии известных братьев-живописцев Михаила, Александра и Павла Кориных.

В 1884 году вопреки воле отца Алексей Корин уехал в Москву и поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества. Среди его учителей были известные педагоги: братья Сорокины, И. М. Прянишников, В. Е. Маковский и отчасти В. Д. Поленов. Годы учения для будущего художника были нелёгким испытанием на жизненную стойкость. Но тяжёлые бытовые условия не помешали А. М. Корину в его профессиональном росте. При выпуске из Училища Корин был награждён большой серебряной медалью за полотно «Утро в монастырской келье».

Цитируется по: Корин Алексей Михайлович (1865-1923). – Текст : электронный // Русская живопись : сайт. – URL : <http://www.artsait.ru/art/k/korinAM/main.htm> (дата обращения: 26.04.2023).

Источник изображения: Алексей Корин : автопортрет. – 1915. – Изображение : электронное // Яварда : интернет-альманах Валерия Рублёва : сайт. – 2018-2023. – URL : https://yavarda.ru/images/artmir_preview/sub_68708.jpg (дата обращения: 25.04.2023).

Сразу после Училища начинается период активной творческой деятельности А. М. Корина. Он успешно участвует в выставках, побеждает в художественных конкурсах, получает высокие отзывы о своих картинах таких маститых ценителей искусства, как И. Е. Репин и В. В. Стасов. Его жанровую картину «Больной художник», показанную в 1892 году, приобретает для своей коллекции П. М.Третьяков. А в 1894 году Корин становится членом Товарищества передвижных художественных выставок.

В 1890-х годах художник много и плодотворно работает, создавая пейзажи, портреты и жанровые композиции. Его рисунок точен, живопись свободна, красочна. В 1900-1910-е годы А. М. Корин пишет много интересных портретов, участвует в росписях храма Александра Невского в Софии (Болгария), создаёт замечательные полотна, связанные с Русским Севером. Персонажи коринских портретов – близкие, хорошо знакомые художнику люди, в облике которых он способен уловить лёгкие движения души, передать их настроение. Образы его героев внутренне подвижны, эмоционально насыщены. Таковы, например, портреты художника Вакшеева (1888), скульптора Домогацкого (1890-е), Марии Кориной – дочери художника (1905). «Автопортрет», созданный мастером в 1915 году (хранится в Государственной Третьяковской галерее), – одно из лучших и глубоких произведений этого ряда.

Характерное для многих полотен художника единство эмоциональной и пластической среды достигается тонким цветовым решением. Живопись Корина свидетельствует о богатстве его колористического видения, свободном владении кистью, уверенно выявляющей форму и пространство. Небольшие по формату пейзажи Корина всегда лиричны по настроению, проникнуты тонким поэтическим ощущением природы («Ранняя весна», 1890-е; «Сарай», 1900-е; «Пейзаж с церквушкой. Плёс», 1890-е).

С 1894 по 1917 год Алексей Корин преподавал в звании профессора в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

С 1900 года Корин жил преимущественно в Москве, только на лето уезжая в деревню Марьино. После Октябрьской революции Корин оставил Москву и жил только в деревне, где уже давно организовал собственную художественную мастерскую.

Цитируется по: Алексей Михайлович Корин : биография и информация. – Текст : электронный // Arthive : сайт. – 2023. – URL : https://artchive.ru/artists/2008~Aleksej_Mikhajlovich_Korin/biography (дата обращения: 26.04.2023).

Годы, трагические для страны, стали трагическими и для художника – он умер после тяжёлой болезни в деревне Марьино, Тверской губернии. Его посмертная экспозиция работ состоялась на последней выставке Товарищества передвижных художественных выставок. Произведения Алексея Михайловича Корины находятся в государственных и частных собраниях России и других стран.

Цитируется по: Рублёв, В. Алексей Михайлович Корин : биография и информация / В. Рублёв. – 2018. – Текст : электронный // Яварда : интернет-альманах Валерия Рублёва : сайт. – 2018-2023. – URL : <https://yavarda.ru/korin.html> (дата обращения: 26.04.2023).

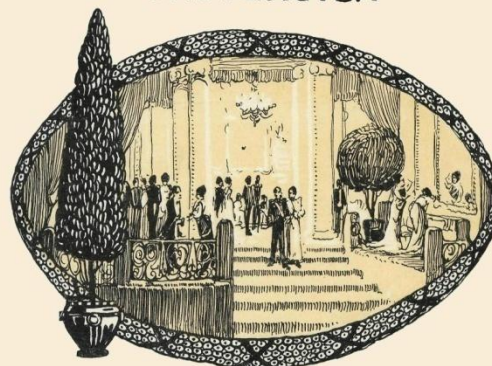
Лев Толстой

АННА КАРЕНИНА.

Томъ I.

Т-53

Л.Н.ТОЛСТОЙ.

АННА КАРЕНИНА

подъ редакціей и съ примѣчаніями

П.И.Бирюкова.

съ рис. М.Щеглова,

А.Моравова и А.Корина.

ТОМЪ I^ѣ

ИЗДАНИЕ
Т^ѣ И.Д.Сытина.

ХХ

911278

Толстой, Л. Н. Анна Каренина. Т. 1 / Л. Н. Толстой ; редакция, примечания П. И. Бирюкова ; рисунки М. Щеглова, А. Моравова, А. Корина. – Москва : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1914. – 336 с. : ил. – Текст : непосредственный.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I.

Всѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Все смѣшалось въ домѣ Облонскихъ. Жена узнала, что мужъ былъ въ связи съ бывшею въ ихъ домѣ французскою-губернаторкой, и объявила мужу, что не можетъ жить съ нимъ въ одномъ домѣ. Положеніе это продолжалось уже третій день и мучительно чувствовалось и самими супругами, и всѣми членами семьи, и домочадцами. Всѣ члены семьи и домочадцы чувствовали, что нѣтъ смысла въ ихъ сожителствѣ и что на каждомъ постояломъ дворѣ случайно сошедшіеся люди болѣе связаны между собой, чѣмъ они, члены семьи и домочадцы Облонскихъ. Жена не выходила изъ своихъ комнатъ; мужъ третій день не было дома; дѣти бѣгали по всему дому какъ потерянные; англичанка поссорилась съ экономкой и написала записку пріятельницѣ, прося пріискать ей новое мѣсто; поваръ ушелъ еще вчера со двора, во время обѣда; черная кухарка и кучеръ просили расчета.

Настоящее издание, с. 1.

Степана Аркадьевича не только любили всѣ: званіе его за его добрый, веселый нравъ и несомнѣнную честность, но въ немъ, въ его Красивой, свѣтлой наружности, блестящихъ глазахъ, черныхъ бровяхъ, волосахъ, бѣлизнѣ и румянцѣ лица, было что-то физически дѣйствовавшее дружелюбно и весело на людей, встрѣчавшихся съ нимъ. «Ага! Стива! Облонскій! Вотъ и он!» почти всегда съ радостною улыбкой говорили, встрѣчаясь съ нимъ. Если и случалось иногда, что послѣ разговора съ нимъ оказывалось, что ничего особенно радостнаго не случилось,—на другой день, на третій опять точно такъ же всѣ радовались при встрѣчѣ съ нимъ.

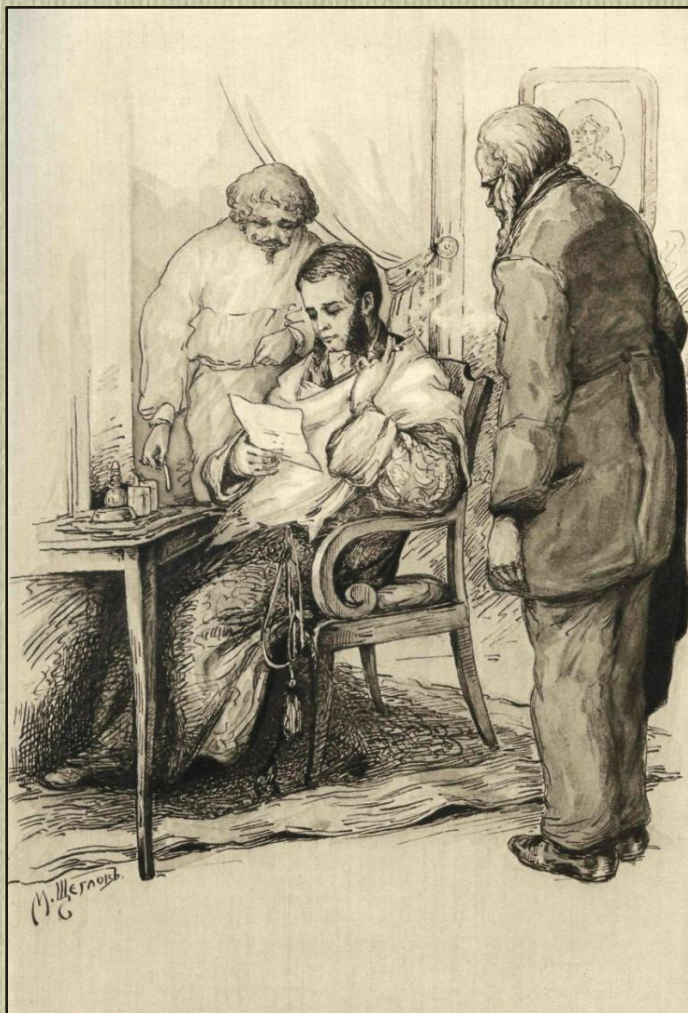
Занимая третій годъ мѣсто начальника одного изъ присутственныхъ мѣстъ въ Москвѣ, Степанъ Аркадьевичъ пріобрѣталъ, кромѣ любви и уваженія сослуживцевъ, подчиненныхъ, начальниковъ и всѣхъ, кто имѣлъ до него дѣло. Главныя качества Степана Аркадьевича, заслужившія ему это общее уваженіе по службѣ, состояли, во-первыхъ, въ чрезвычайнойнисходительности къ людямъ, основанной въ немъ на сознании своихъ недостатковъ; во-вторыхъ, въ совершенной либеральности, не той, про которую онъ вычиталъ въ газетахъ, но той, которая у него была въ крови и съ которою онъ совершенно равно и одинаково относился ко всѣмъ людямъ, какова бы состоянія и званія они ни были; и въ-третьихъ—главное—въ совершенномъ равнодушіи къ тому дѣлу, которому онъ занимался, вслѣдствіе чего онъ никогда не увлекался и не дѣлалъ ошибокъ.

Пріѣхавъ къ мѣсту своего служенія, Степанъ Аркадьевичъ, провожаемый почтительнымъ швейцаромъ съ портфельемъ, прошелъ въ свой маленькій кабинетъ, надѣлъ мундиръ и вошелъ въ присутствіе. Инцы и служащіе всѣ встали, весело и почтительно кланяясь. Степанъ Аркадьевичъ поклонился, какъ всегда, прошелъ къ своему мѣсту, покачалъ руки членамъ и сѣлъ. Онъ пошутливъ и поговорилъ ровно сколько это было прилично, и началъ занятія. Никто въ бригаѣ Степана Аркадьевича не умѣлъ найти ту границу свободы, простоты и официальности, которая нужна для пріятнаго занятія дѣлами. Секретарь весело и почтительно, какъ и всѣ въ присутствіи Степана Аркадьевича, пожималъ съ бумагами и проговаривалъ тѣмъ фамиліарно-либеральнымъ тономъ, который ввелъ въ бытъ Степаномъ Аркадьевичемъ:

— Мы-таки добились свѣдѣнія изъ пензенскаго губернскаго правленія. Вотъ, не угодно ли...

Настоящее издание, с. 12.

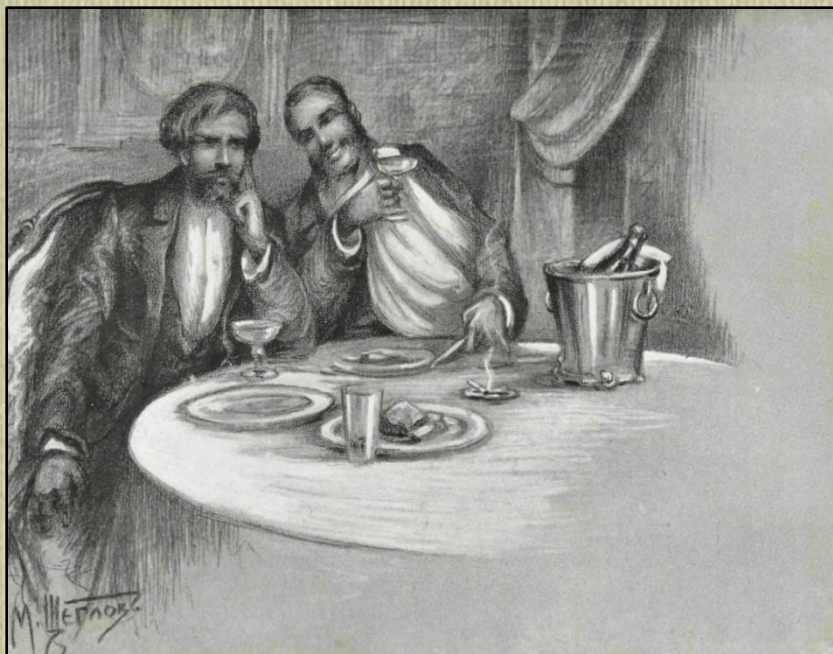

«Разорвав телеграмму, он прочёл её». (Наст. изд., с. 4).

«Она подала ему руку, и они пошли рядом, прибавляя хода, и чем быстрее, тем крепче она сжимала его руку». (Наст. изд., с. 24).

«Левин вздохнул и ничего не ответил. Он думал о своём и не слушал Облонского». (Наст. изд., с. 33).

«Она пересела ближе к невестке и взяла её руку своей энергической маленькой рукой». (Наст. изд., с. 52).

«Анна была не в лиловом, как того непременно хотела Кити, а в чёрном, низко срезанном бархатном платье». (Наст. изд., с. 60).

бить. И оскорбить жестоко... За что? За то, что он, милый, любит ее, влюблен в нее. Но делать нечего, так нужно, так должно.

«Боже мой, неужели это и сама должна сказать ему?» — подумала она. — Неужели и Скапу ему, что и его не люблю? Это будет неправда. Что ж и Скапу скажет Скапу, что люблю другого? Нет, это невозможно. И уйти, уйти».

Она уже походила кь широким, когда услышала его шаги. Итить, конечно. Что мне бояться? И ничего другого не складала. Что будет, то будет! Скапу правду. Да с ним не может быть позовко. Вот «он», сказала она себе, увидев всю его сильную и робкую фигуру с блестящими, строгими на себе глазами. Она прямо взглянула ему в лицо, как бы умоляя его о пощаде, и подала руку.

И не во-время, кажется, слишком рано, — сказал он, оглянув пустую гостиную. Когда он увидел, что его ожидания сбылись, что ничто не мешает ему наслаждаться, лицо его сдвинулось мрачно.

— О, ить, — сказала Кити и села кь столу.

— Но и только того и хотела, чтобы застать вас одну, — начал он, не садясь и не глядя на нее, чтобы не потерять естественности.

— Мама сейчас выйдет. Она вчера очень устала. Вчера...

Она говорила, мама не знала, что говорить ей губы, и не спускала с него умоляющего и ласкающего взгляда.

Он, взглянув на нее, она покраснела и замолчала.

— И сказать вам, что не знаю, надолго ли я приду... что это отъ вас зависит.

Она все шире и шире склонила голову, не зная сама, что будет отвечать на приближавшиеся.

— Что это отъ вас зависит, — повторил он, — и хотел сказать... и хотел сказать... Я за этим пришел... что... Быть моей женой — проговорил он, не зная сам, что говорил, но почувствовать, что самое страшное сказано, оставившись и посмотреть на нее.

Она тайком дышала, не глядя на него. Она испытывала восторг. Дина ей была переполнена счастьем. Она никак не ожидала, что высказанная любовь его произведет на нее такое сильное впечатление. Но это продолжалось только одно мгновение. Она вспомнила Вронского. Она подняла и не

37

911278

Настоящее издание, с. 37.

долгов. Портной хочет посадить и другой тоже непременно грозит посадить. Полковой командир объявил, что если эти скандалы не прекратятся, то надо выходить. Баронесса подошла, как бы горько улыбаясь, особенно губы, что все хочет давать деньги; а есть она, он ее покажет Вронскому, куда прелесть, и в восточном строгом стиле «дене рабыни Робейки», понимаем? С Вронским тоже разбирался, и он хотел прислать секунданта, но, разумеется, ничего не выйдет. Вообще же все превосходно и чрезвычайно весело. И, не дав товарищу углубиться в подробности своего положения, Петрицкий пустился рассказывать ему все интереснейшие новости. Слушая столь знакомые рассказы Петрицкого в столь знакомой обстановке своей трехэтажной квартиры, Вронский испытывал приятное чувство вознаграждения кь привычной и беззаботной петербургской жизни.

— Не может быть! — закричал он, отступив назад, умоляюще, кочерясь он обивал свою красивую здоровую шею. — Не может быть! — закричал он, обивая свою красивую здоровую шею. — Не может быть! — закричал он, обивая свою красивую здоровую шею.

чал он при изъяснении о том, что Лора сошлась с Милевским и бросила Фердинанда. — И он все так же глуп и доволен? Ну, а Бузукович что?

— Ах, с Бузуковичем была история — прелесть! — закричал Петрицкий. — Видь его страсть — балы, и он ни одного придворного бала не пропускает. Отправился он на большой бал в новой каске. Ты видел новую каску? Очень хороши, легче. Только стоит он... Ить, ты слышал.

— Да и слышу, — расширяясь жеманным полотноцем, отъезжал Вронский.

— Проходит великая княгиня сь каской-то поелом, и на его блуд зашел, у них разговор о новых касках. Великая княгиня и хотела показать новую каску... Видать, наш годубишь стоит. (Петрицкий представлял, как он стоит сь каской.) Великая княгиня попросила подать себе каску, — он не дает. Что такое? Только ему мигают, кивают, хмурится. Подой. Не дает. Замерь. Мойешь себе представить? Только зтог... как же его... хочеть

87

Настоящее издание, с. 87.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

I.

В конце зимы вь дождь Шербардах происходила конференция, доживотвавший ринуть, вь каком положении находится здоровье Кити и что нужно предпринять для восстановления ее ослабляющих сил. Она была больна, и сь приближением весны здоровье ее становилось хуже. Домашний доктор ливал ей рыбий жир, потому жидко, потому жирно, но так как ни то, ни другое, ни третье не помогало и так как он советовал отъ весны уехать за границу, то приглашен был знаменитый доктор. Знаменитый доктор, не старый еще, весьма красивый мужчина, потребовал осмотра больной. Он сь особенным удовольствием, казалось, настаивал на том, что дичья стыдность есть только остаток варварства и что ить ничего естественного, как то, чтобы еще не старый мужчина оцумывало молодую обнаженную дичинку. Он выходил это естественным потому, что делать это каждый день и при этом ничего не чувствовать и не думать, как же казлось, дурно, и потому стыдность вь дичьей он считал не только остатком варварства, но и оскорблением себя.

Надо было покориться, так как, несмотря на то, что весь доктор учился вь одной школе, по одним и тем же книгам, знал одну науку, и не

89

Настоящее издание, с. 89.

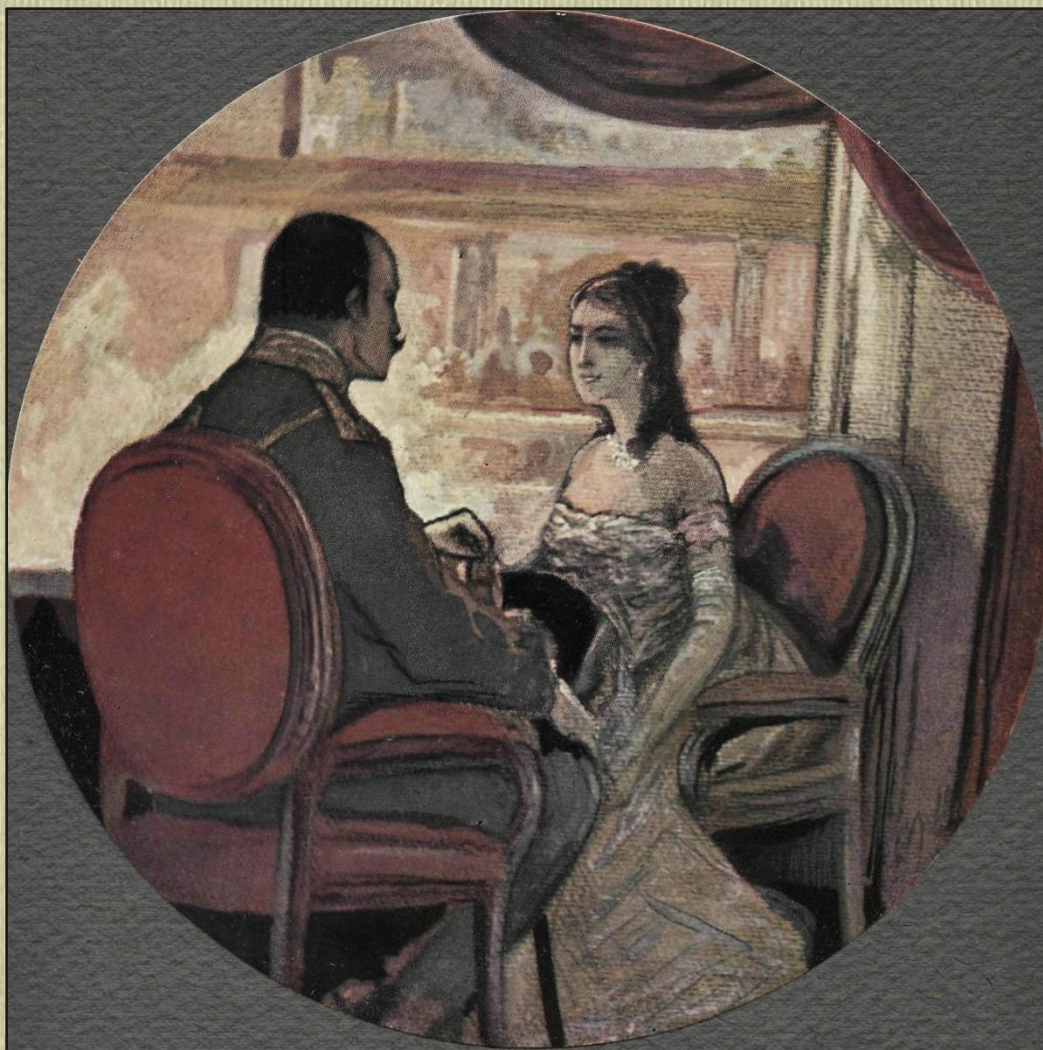

«– Я нисколько не презираю, – робко сказал Константин Левин. – Я даже и не спорю». (Наст. изд., с. 67).

«Она оглянулась и в ту же минуту узнала лицо Вронского». (Наст. изд., с. 77).

«Он улыбкой поблагодарил её и сел подле неё». (Наст. изд., с. 98).

«Кити с открытыми большими глазами молча, умиленно смотрела на Вареньку». (Наст. изд., с. 168).

«Константин молчал. Он чувствовал, что он разбит со всех сторон, но он чувствовал вместе с тем, что то, что он хотел сказать, было не понято его братом». (Наст. изд., с. 189).

наша связана не людьми, а Богом. Разорвать эту связь может только преступление, и преступление этого рода пласчет за собой беду.

— Ничего не понимаю. Ах, Боже мой, и Каис мит на бяд спать хочет! — сказала она, быстро перебирая рюйю волос и отискивая оставшиася пшавилы.

— Анна, ради Бога, не говори тайк, — сказала онг Крото. — Можеть-быть, я ошибася, но поифра, что то, что я говорю, я говорю столько же за себя, Каис, и за тебя. Я муть твой и люблю тебя.

На мгновение лицо ей опустелася, и потухла насмешливая искра во взгляде; но слово *люблю* опять возмутило ее. Она подумала: «Любить? Развѣ онг может любить? Если бы онг не слыхал, что бывають любовь, онг никогда и не употребил бы этого слова. Онг и не знает, что такое *любовь*».

— Алексей Александрович, право, я не понимаю, — сказала она. — Определди, что ты находиши...

— Поиовь, дай договорить мит. Я люблю тебя. Но я говорю не о себе; главные лица тутъ—наш сын и ты сама. Очень может быть, повторю, тебѣ покажутса совершенно напрасными и неужестными мои слова; может-быть, они вызваны можт заблудкениемъ. Въ такомъ случаѣ я прому тебя извинить мени. Но если ты сама чувствуешь, что есть хоть малѣйшия основаниа, то я тебя прошу подумать и, если сердце тебѣ говорит, высказать мит...

Алексей Александрович, самъ не замѣчая того, говорил совершенно не то, что притовилъ.

— Мит нечего говорить. Да и...—вдругъ быстро сказала она, съ трудомъ удавливши улыбку,—право, пора спать.

Алексей Александрович захохотал и, не сказавъ больше ничего, отира-вдася въ спальню.

Когда она вошла въ спальню, онг уже дейалъ. Губы его были строго сжаты, и глаза не сверткали на нее. Анна дала на свои постель и ждала владжу минуту, что онг еще разъ заговоритъ съ нею. Она и боялася того, что онг заговоритъ, и ей хотѣлось этого. Но онг молчалъ. Она долго ждала неподвижно и уже забыла о немъ. Она думала о другомъ, она видѣла его и чувствовала, Каис еи сердце при этой мысли наполналось волнениемъ и преступной радостью. Вдругъ она услышала ровный и спокойной носовой свистъ. Въ первую минуту Алексей Александрович Каис будто испугалса своего свиста и остановилса; но, переждавъ два дыханиа, свистъ раздалса съ новымъ спокойной ровностью.

— Поздно, поздно уйт, — прошептала она съ улыбкой. Она долго дейала неподвижно съ открытыми глазами, блескъ которыхъ, ей казалось, она сама въ темнотѣ видѣла.

— Здравствуйте, княжна, — сказала Анна Павловна съ приторной улыбкой, столь не похожей на прежнее ея обращение. — Очень приятно познакомиться, — обратилса она къ князю. — Вась давно ждали, князь.

— Какъ же ты послала сказать княжнѣ, что мы не поѣдемъ? — хрипло прошептала еще разъ живописецъ еще сердитѣе, очевидно раздражаясь еще больше тѣмъ, что голосъ измѣняется ему и онг не можетъ дать своей рѣчи того выражения, какое бы хотѣл.

— Ахъ, Боже мой! Я думала, что мы не поѣдемъ, — съ досадой отвѣтила жена.

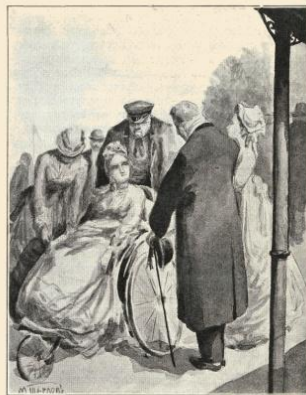
— Какъ же, Богд,—онг забывалася и жажнуть рюйю.

Князь приподнял шляпу и отошелъ съ дочерью.

— О, охъ! — тихо-ло вдохнулъ онг, — о, несчастные!

— Да, папа, — отвѣчала Кити. — Но надо знать, что у нихъ трое дѣтей, никого пресудги и почти никакихъ средствъ. Онг что-то получаетъ отъ академид, — объяснено раз-сказывала она, стараясь заглушить волнение, поднявшеся изъ ней влѣдствие странной въ отношеии къ ней переживи Анны Павловны. — А вотъ и мадамъ Шталь, — сказала Кити, указывая на Болонскую; въ которой, обожненное подбави, въ чемъ-то строго и годубомъ, подъ зонтикомъ дейало что-то. Это была госпожа Шталь. Сиди нея стоялъ мрачный здоровенный работникъ-нѣмецъ, катавший ее. Подлѣ стоялъ блѣловурий шведскій графъ, которого знала по имени Кити. Несколько человекъ большыхъ медалий около Колаасочки, глаза на эту даму, Каис на что-то необъясненное.

Князь поинелъ къ ней, и точасъ же въ глазахъ его Кити замѣтила смущавший ее огонекъ насмѣлки. Онг поинелъ къ мадамъ Шталь и заговорить на томъ отгличномъ французскомъ языкѣ, на которомъ столь немногие уже говорили теперь, чрезвычайно учтиво и мило:

но пошла, что она себя обманывала, думая, что можетъ быть тѣмъ, чѣмъ хотѣла быть. Она Каис будто очинилася; почувствовала всю трудность безъ притворства и хвастовства удерживать на той высотѣ, на которую она хотѣла поингтса; Крото того она, почувствовала всю тѣлесность этого мира гора, болѣеи, умраившихъ, въ которыхъ она была; ей мучительно показались тѣ тени, которыа она дѣлала надъ собой, чтобы любить это, и поскорѣй захотѣлось на свѣжій воздухъ, въ Россю, въ Ерусалимъ, куда, Каис она узнала изъ шепота, перѣхала уйт ея сестра Долли съ дѣтми.

Но любовь ея къ Баренскѣ не ослабѣла. Процванс, Кити упрямилася ея прѣхать къ нимъ въ Россю.

— Я прѣду, когда вы выйдете замужъ, — сказала Варенцба.

— Я никогда не выду.

— Ну, такъ я никогда не прѣду.

— Ну, такъ я только для этого выду замужъ. Смотрите же, помните обещание! — сказала Кити.

Преждеказаниа докторъ оправдалса. Кити возвратилса домой, въ Россю, излѣченнаа. Она не была такъ беззаботна и весела, Каис прежде, но была спокойна. Московскія горести ея стали воспоминашеся.

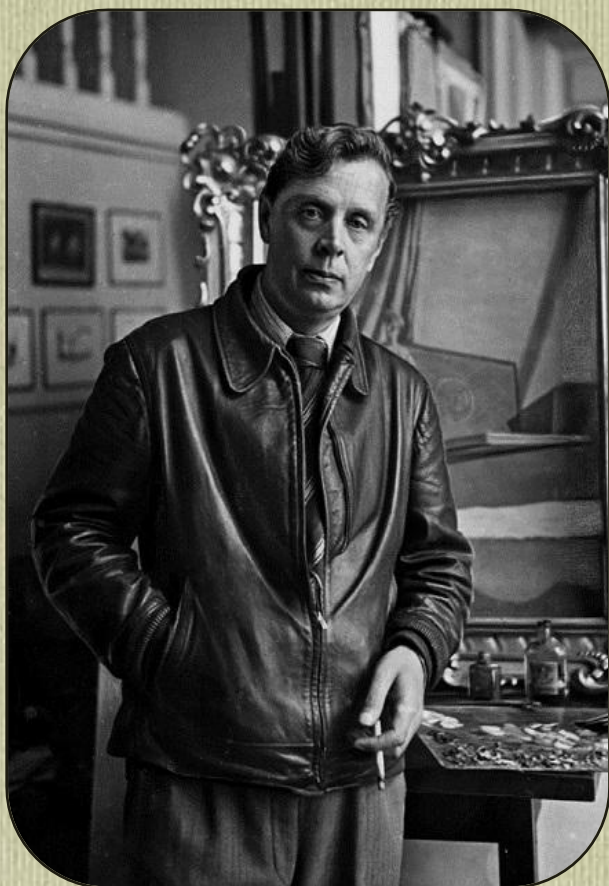

«Через час купец, аккуратно запахнув свой халат и застегнув крючки сюртука, с условием в кармане, сел в свою туго окованную тележку и поехал домой». (Наст. изд., с. 128).

«— ...Но вот что он пишет мне. Прочти». (Наст. изд., с. 240).

**Александр Николаевич Самохвалов
(1894-1971)**

Источник фото: Александр Николаевич Самохвалов в своей мастерской в Тучковом переулке. Середина 1950-х : фото. – Изображение : электронное // Livejournal : сайт. – URL : https://ic.pics.livejournal.com/leningradartist/52252087/39112/39112_original.jpg (дата обращения: 02.05.2023).

Александр Николаевич Самохвалов (1894-1971) – русский художник, живописец и график, прикладник, монументалист, плакатист. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1967), член Ленинградской организации Союза художников РСФСР.

А. Н. Самохвалов – один из крупнейших советских живописцев XX века, признанный мастер, вошедший в историю русского изобразительного искусства. Произведения А. Н. Самохвалова хранятся и экспонируются в десятках музеев нашей страны. Они вошли в сознание многих поколений людей и, порой, неотделимы в нашем восприятии от самого времени 1920–1930-х годов, его ритма и биения. Как живописец, график, скульптор и писатель, декларируя идеалы современности, он старался создать искусство больших обобщений и симфонического звучания. Он стремился передать поэзию революционных, трудовых и спортивных свершений людей юной советской страны. С его именем связано утверждение в искусстве образа нового человека.

Студент училища при Академии художеств и воспитанник Кузьмы Петрова-Водкина, Александр Самохвалов стал известен как автор полотен в стиле соцреализма. На своих картинах живописец изображал характерных представителей эпохи – советских рабочих и спортсменов. Также Самохвалов работал как иллюстратор и скульптор: книги с его рисунками выходили в издательствах «Изобразительное искусство» и «Детская литература», а статуэтки по его эскизам выпускали на Государственном и Дмитровском фарфоровых заводах.

Цитируется по: Самохвалов Александр Николаевич. – Текст : электронный // Русский музей : сайт. – 2008-2015. – URL : <https://www.virtualrm.spb.ru/ru/resources/galleries/samohvalov> (дата обращения: 02.05.2023).

Своё образование А. Самохвалов начал в механико-техническом училище в Калязине, откуда был исключён в 1908 году за участие, как писал художник в автобиографии, в «школьном революционном движении».

В последующем А. Самохвалов закончил реальное училище в Бежецке. В 1914-1918 годах учился в Высшем художественном училище при Академии художеств в Петрограде, после её закрытия в связи с революционными событиями вернулся на родину в Бежецк. Завершал образование в 1923 году уже в Петроградских Государственных Свободных художественных мастерских с присвоением звания художника живописи. Дипломной работой стала картина «Головомойка» (1923, Русский музей), в которой художник стремился воплотить принципы «сферической перспективы» в духе К. С. Петрова-Водкина, который из всех учителей А. Самохвалова оказал на него наибольшее влияние.

В середине 1920-х А. Самохвалов обращается к книжной иллюстрации, сотрудничает с ленинградскими издательствами «Радуга», Детгизом. В его оформлении выходит ряд детских книг, в том числе с текстами самого художника («Наш город», 1927; «Ночные страхи», 1927; «Водолазная база», 1928; «Мстительный Худжар», 1929, и др.). В дальнейшем, помимо иллюстраций к «Истории одного города», отмеченных Гран-при парижской выставки, заслуженную известность получили иллюстрации А. Самохвалова к «Лже-Нерону» Л. Фейхтвангера, «Анне Карениной» Л. Толстого, «Евгению Онегину» А. Пушкина, «Степану Разину» А. Чапыгина и другие.

В 1967 году за выдающийся вклад в развитие советского изобразительного искусства А. Н. Самохвалов был награждён орденом Ленина. В том же году он был удостоен почётного звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР».

Народный художник СССР, академик Е. А. Кибрик писал о нём: «Особенным я называю Самохвалова потому, что его художественная одарённость имеет универсальный характер, выходя даже за пределы многообразия форм изобразительного искусства, в которых он проявил себя широко и оригинально, создав удивительно много и в области станковой живописи, и в книжной графике, и в театре, и в прикладном искусстве, и в скульптуре малых форм».

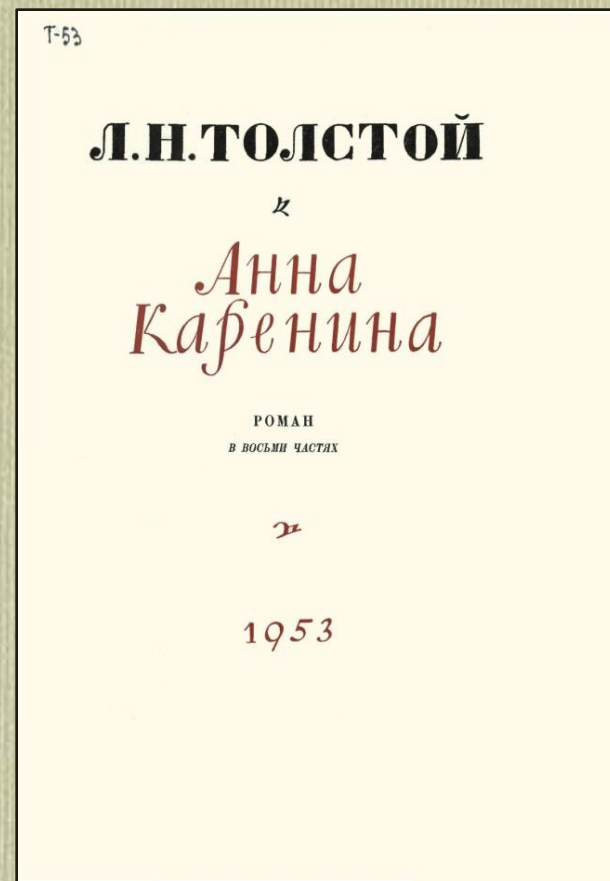
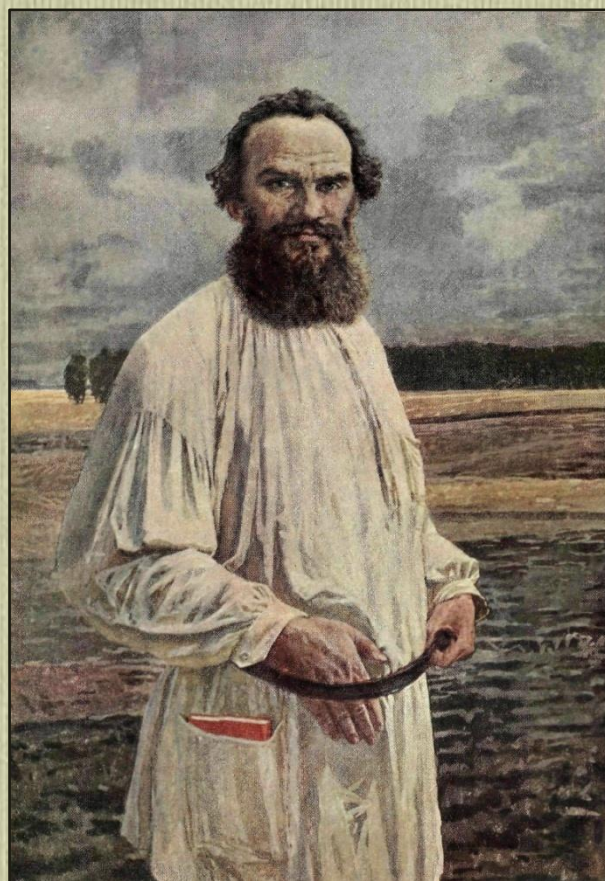
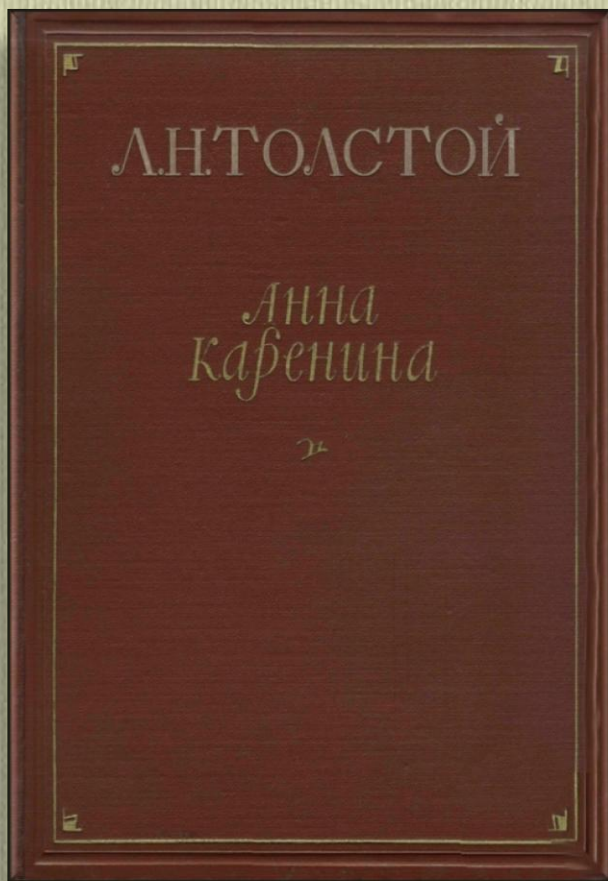
Воспоминания А. Н. Самохвалова опубликованы в книгах: «Мой творческий путь», «Моя Самаркандия», «В годы беспокойного солнца». В них он, бесспорно, выступает не только признанным художником, но и одарённым писателем, глубоко мыслящим живописцем, графиком, художником театра, скульптором и теоретиком искусства.

Александр Николаевич Самохвалов скончался в Ленинграде на семьдесят седьмом году жизни. Похоронен на кладбище посёлка Комарово. Произведения художника находятся в Государственном Русском музее, Государственной Третьяковской галерее, в крупнейших музеях и частных собраниях в России, Германии, Великобритании, Франции, США, Италии и других странах.

Цитируется по: Самохвалов Александр Николаевич. – Текст : электронный // Русский музей : сайт. – 2008-2015. – URL : <https://www.virtualrm.spb.ru/ru/resources/galleries/samohvalov> (дата обращения: 02.05.2023).

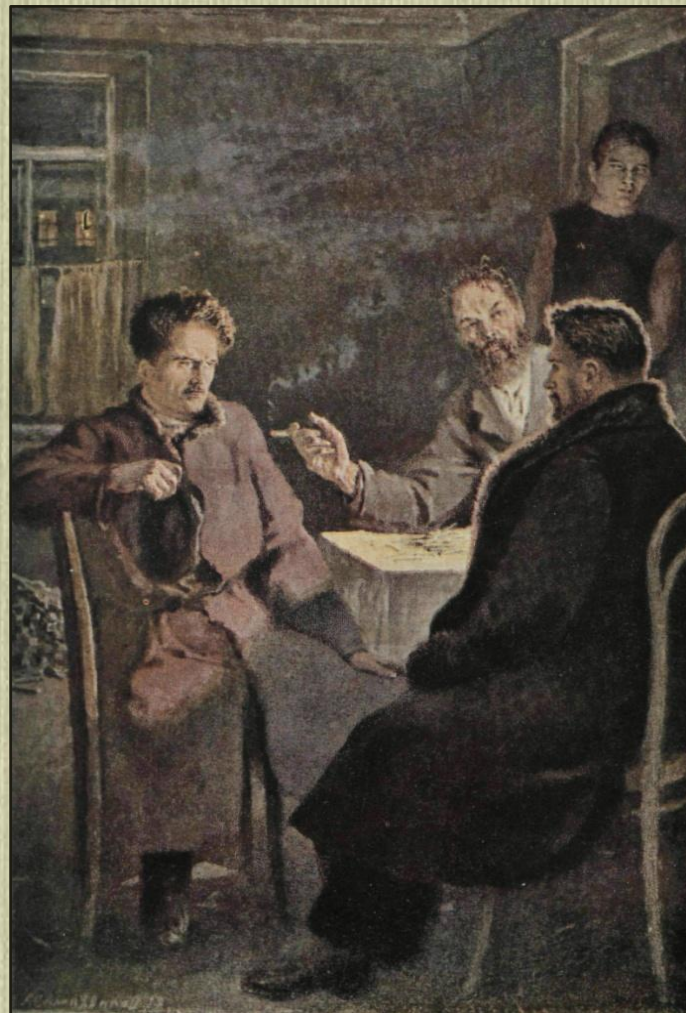
520585

Толстой, Л. Н. Анна Каренина : роман / Л. Н. Толстой ; иллюстрации А. Н. Самохвалова. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1953. – 421, [3] с. : портр., ил. – Текст : непосредственный.

«Какая-то сверхъестественная сила притягивала глаза Кити к лицу Анны. Она была прелестна в своём простом чёрном платье, прелестны были её полные руки с браслетами, прелестна твёрдая шея с ниткой жемчуга <...> но было что-то ужасное и жестокое в её прелести». (Наст. изд., с. 86).

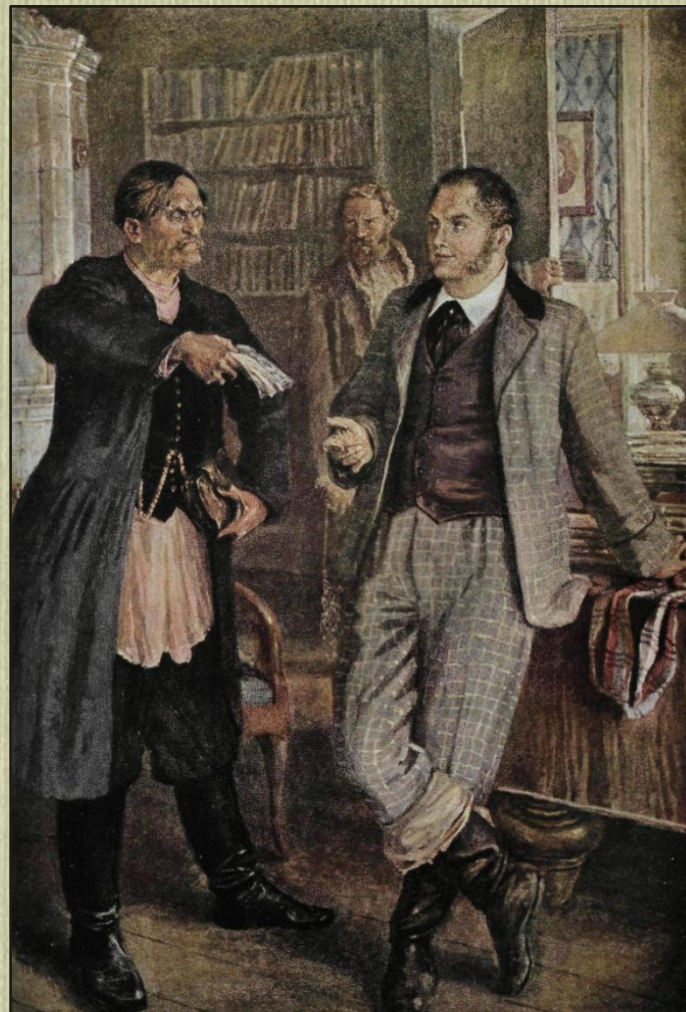

«— Я не читал, — мрачно сказал Крицкий, очевидно не хотевший вступить в разговор.
— Отчего? — с раздражением обратился теперь к Крицкому Николай Левин.
— Потому что не считаю нужным терять на это время». (Наст. изд., с. 92).

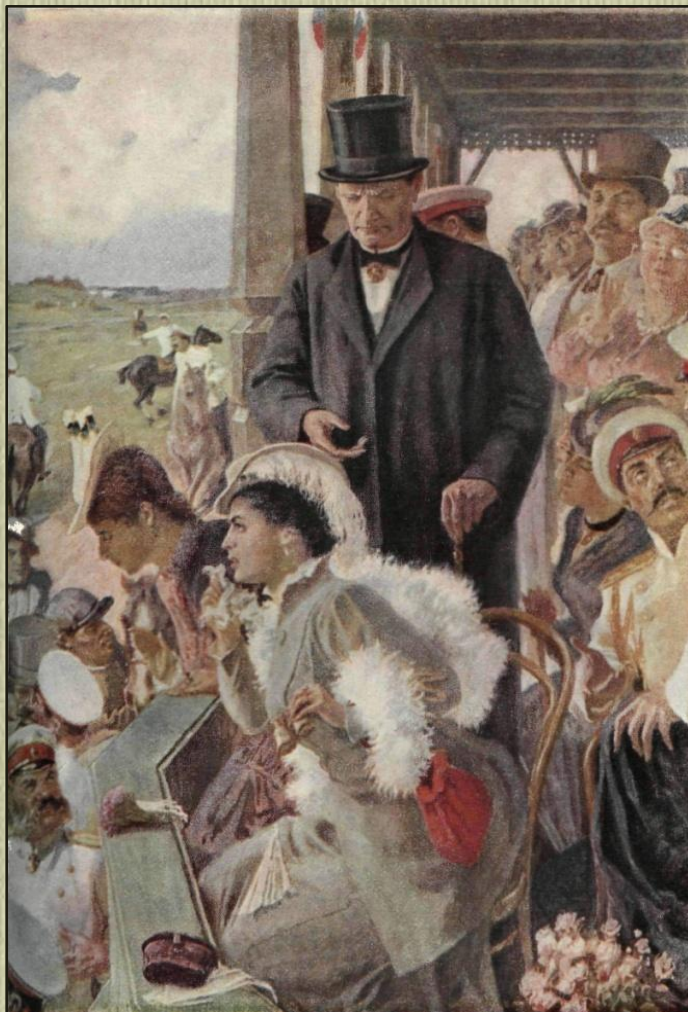

«Она оглянулась и в ту же минуту узнала лицо Вронского». (Наст. изд., с. 104).

«— Пожалуйста, лес мой, — проговорил он, быстро перекрестившись и протягивая руку. — Возьми деньги, мой лес. Вот как Рябинин торгует, а не гроши считать, — заговорил он, хмурясь и размахивая бумажником». (Наст. изд., с. 167).

«Анна, вся поглощённая зрелищем скакавшего Вронского, почувствовала сбоку устремлённый на себя взгляд холодных глаз своего мужа». (Наст. изд., с. 206).

«Он ничего не думал, ничего не желал, кроме того, чтобы не отстать от мужиков и как можно лучше сработать. Он слышал только лязг кос и видел перед собой удаляющуюся прямую фигуру Тита, выгнутый полукруг прокоса, медленно и волнисто склоняющиеся травы и головки цветов около лезвия своей косы и впереди себя конец ряда, у которого наступит отдых». (Наст. изд., с. 248).

«Когда уже половина детей были одеты, к купальне подошли и робко остановились нарядные бабы, ходившие за сныткой и молочником». (Наст. изд., с. 261).

«В кабинете Алексей Александрович <...> остановился у огромного письменного стола, на котором уже были зажжены вперёд вошедшим камердинером шесть свечей, потрещал пальцами и сел, разбирая письменные принадлежности». (Наст. изд., с. 278).

«Работники, очевидно, были семейные: двое были молодые, в ситцевых рубашках и картузах, другие двое были наёмные, в посконных рубашках, – один старик, другой молодой мальй». (Наст. изд., с. 316).

«Левин вдруг разгорячился при этих словах, потому что в глубине души он боялся, что это была правда, – правда то, что он хотел балансировать между коммунизмом и определёнными формами и что это едва ли было возможно». (Наст. изд., с. 341).

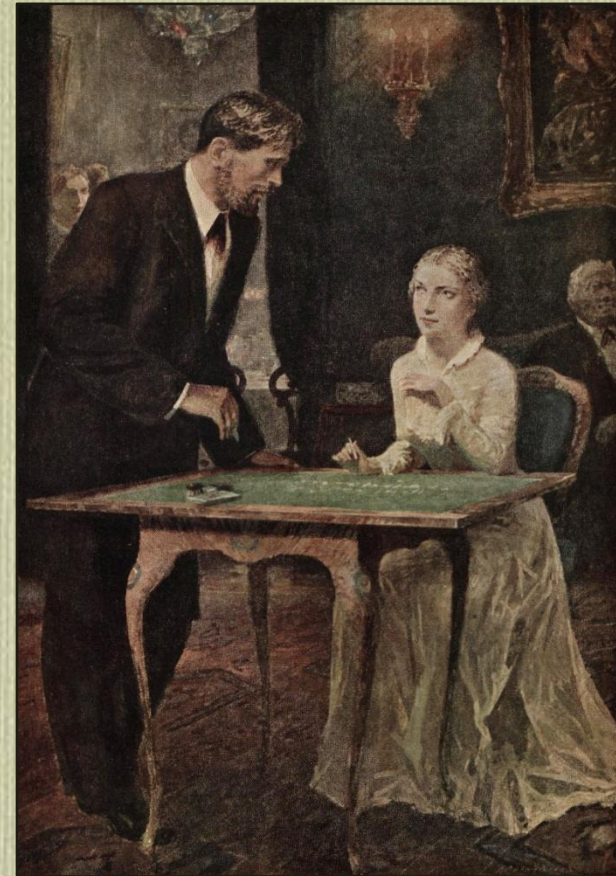

«Он вошёл в комнату и, не поздоровавшись с нею, прямо направился к её письменному столу и, взяв ключи, отворил ящик.
– Что вам нужно?! – вскрикнула она.
– Письма вашего любовника, – сказал он». (Наст. изд., с. 316).

«При упоминании о письмах адвокат поджал губы и произвёл тонкий, соблезнующий и презрительный звук». (Наст. изд., с. 360).

«Он долго не мог понять того, что она написала, и часто взглядывал в её глаза. На него нашло затмение от счастья. Он никак не мог подставить те слова, которые она разумела; но в прелестных сияющих счастьем глазах её он понял всё, что ему нужно было знать». (Наст. изд., с. 388).

**Николай Иванович Пискарев
(1892-1959)**

Источник фото: Пискарев Николай Иванович : фото. –
Изображение : электронное // Яварда : интернет-
альманах Валерия Рублёва : сайт. – 2018-2023. – URL :
[https://yavarda.ru/images/artmir_preview/sub_71180.j
pg](https://yavarda.ru/images/artmir_preview/sub_71180.jpg) (дата обращения: 10.05.2023).

Николай Иванович Пискарев (1892-1959) – российский график, живописец, скульптор, профессор. Н. И. Пискарев стоял у истоков советского полиграфического искусства.

Николай Иванович Пискарев жил в Москве. Он занимался станковой и книжной графикой, выполнял книжные иллюстрации, заставки, буквицы, разрабатывал проекты экслибрисов. Художник много работал в техниках ксилографии, линогравюры, акварели, гуаши, пастели; выполнил цикл архитектурных видов Москвы и Петрограда (1911-1914 годы; цветная линогравюра), серию рисунков с видами Феодосии (начало 1920-х годов; акварель, гуашь, темпера).

Н. И. Пискарев преподавал на наборно-типографическом и книгопечатном отделении графического факультета ВХУТЕМАСа (1921-1930 годы); сотрудничал в Государственном издательстве, издательстве *Academia* и других.

Пискарев иллюстрировал книги А. С. Пушкина, А. Погорельского (А. А. Перовского), С. Т. Аксакова, А. В. Луначарского, А. С. Серафимовича, Ж.-Ж. Руссо, Ч. Диккенса и других. Но особый талант художника проявился при иллюстрации книг Л. Н. Толстого. Н. И. Пискарев оформил и иллюстрировал «Анну Каренину» для клуба редких изданий (Нью-Йорк, 1930-1932 годы).

Цитируется по: Деятели Брянского края : Пискарев Николай Иванович. – Текст : электронный // Брянский край : краеведческий информационно-познавательный портал. – 2002–2023. – URL : <http://libryansk.ru/piskarev-nikolaj-ivanovich.21790/> (дата обращения: 10.05.2023).

Художник участвовал в выставках Союза деятелей прикладного искусства и художественной промышленности (1919), Московского товарищества художников (1922), общества «Жар-цвет» (1924–1926), «Гравюра СССР за 10 лет» (1927), «Цветная ксилография. Её приёмы и возможности» (1929) в Москве, общества экслибрисистов («Русский книжный знак в гравюре», 1925, 1926), «Русская ксилография за 10 лет» (1927), «Художественный экслибрис» (1928) в Ленинграде, юбилейной выставке «Художники РСФСР за XV лет» в Ленинграде и Москве (1932–1934) и других.

Произведения Николая Ивановича Пискарёва находятся во многих музейных собраниях, в том числе в Государственной Третьяковской галерее, ГМИИ им. А. С. Пушкина и других.

Цитируется по: Художник – Николай Пискарёв. – Текст : электронный // Лаборатория Фантастики : сайт. – 2005-2023. – URL : <https://fantlab.ru/art3102> (дата обращения: 10.05.2023).

Т 53

Л.Н. ТОЛСТОЙ

АННА КАРЕНИНА

РОМАН
В ВОСЬМИ ЧАСТЯХ

A 272955

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1978

хх

A272955

Толстой, Л. Н. Анна Каренина : роман / Л. Н. Толстой ; иллюстрации, оформление Н. Пискарёва. – Москва : Правда, 1978. – 491, [5] с. : портр., ил. – Текст : непосредственный.

1

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливa семья несчастливa по-своему.

Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме. Положение это продолжалось уже третий день и мучительно чувствовалось и самими супругами, и всеми членами семьи, и домашними животными, что нет смысла в их сожительстве и что на каждом постоялом дворе случайно сошедшие люди более связаны между собой, чем они, члены семьи и домашние Облонских. Жена не выходила из своих комнат, мужа третий день не было дома. Дети бегали по всему дому, как потерянные; англичанка поссорилась с экономкой и написала записку приятельнице, прося прислать ей новое место; повар ушел вчера со двора, во время самого обеда; черная кухарка и кучер просили расчета.

На третий день после ссоры князь Степан Аркадьич Облонский—Стива, как его звали в свете,—в обычный час, то есть в восемь часов утра, проснулся не в спальне жены, а в своем кабинете, на сафьянном диване. Он повернул свое полное, выхоленное тело на пружинах дивана, как бы желая опять заснуть надолго, с другой стороны крепко обнял подушку и прижался к ней щекой; но вдруг вскочил, сел на диван и открыл глаза.

Настоящее издание, с. 9.

знакомой обстановке своей трехлетней квартиры, Вронский испытывал приятное чувство возвращения к привычной и беззаботной петербургской жизни.

— Не может быть!—закричал он, отпустив педаля умывальника, которым он обмывал свою красную здоровую шею.— Не может быть!—закричал он при известии о том, что Лора сошлась с Милосеевым и бросила Фердинанда.— И он все так же галп и доволен? Ну, а Бузулуков что? — Ах, с Бузулуковым была история!—премст!—закричала Петрицкая.— Ведь это страсть!—бам, и он ни одного придворного бала не пропускает. Отправился он на большой бай в новой каске. Ты видел новые каски? Очень хороши, легче. Только стоит он... Нет, ты слушай.

— Да я слушаю,—растягивая мохнатый полотенцем, отвечал Вронский.

— Проходит великая княгиня с каким-то посланом, и на его беду зашел у них разговор о новых касках. Великая княгиня и хотела показать новую каску... Видит, наш голубчик стоит. (Петрицкая представила, как он стоит с каской). Великая княгиня попросила себе подать каску,—он не дает. Что такое? Только они мигают, кивают, хмурятся. Подай. Не дает. Замер. Можешь себе представить!.. Только этот... как его... хочет же взять у него каску... не дает!.. Он вырвал, подает великой княгине. «Вот эта новая»,—говорит великая княгиня. Повернула каску, и, можешь себе представить, оттуда бух! грюха, конфеты, два фунта конфет!.. Он это набрал, голубчик!

Вронский покатылся со смеху. И долго потом, говоря уже о другом, закатывался своим здоровым смехом, выставляя свои крепкие сплошные зубы, когда вспоминал о каске.

Узнав все новости, Вронский с помощью лакея оделся в мундир и поехал являться. Явившись, он намерен был съездить к брату, к Бетси и сделать несколько визитов с тем, чтоб начать ездить в тот свет, где бы он мог встретить Каренину. Как и всегда в Петербурге, он выехал из дома с тем, чтобы не возвращаться до поздней ночи.

Настоящее издание, с. 76.

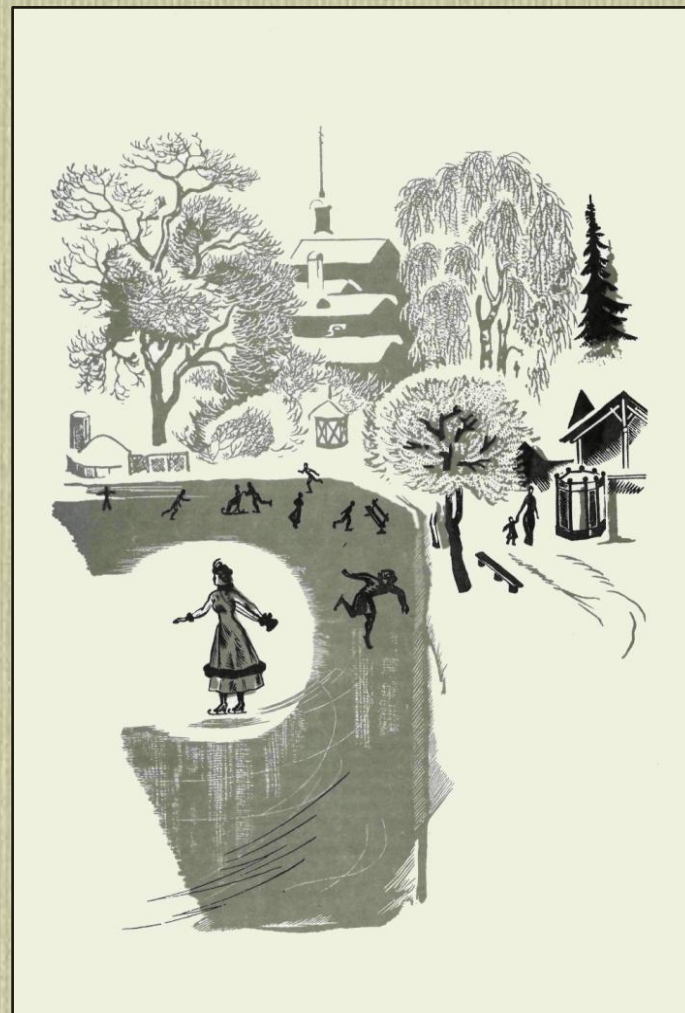
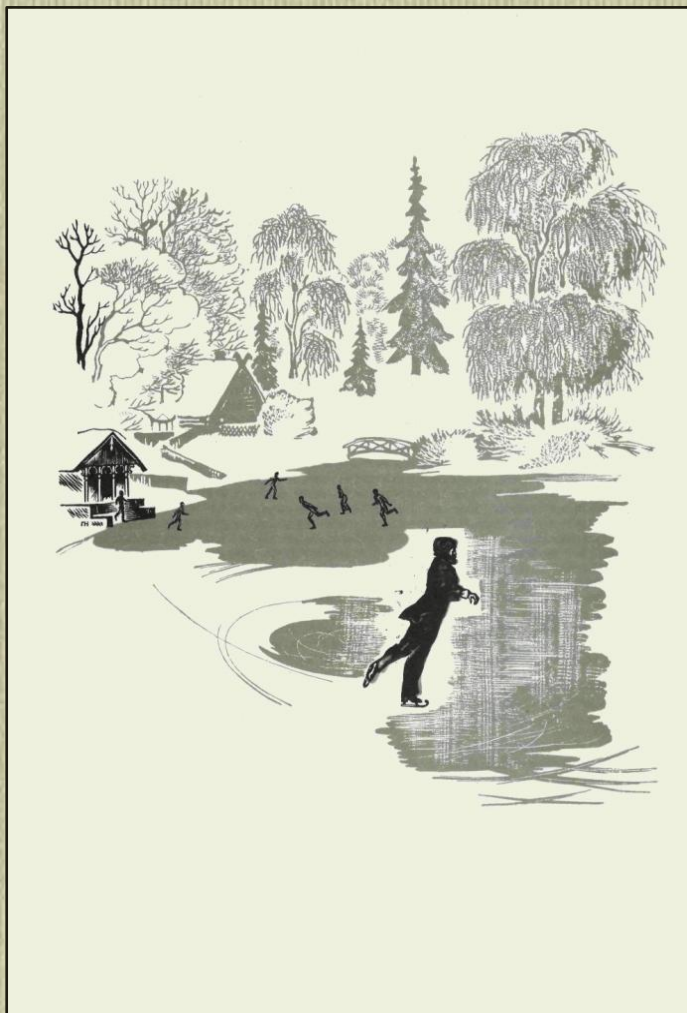
1

В конце зимы в доме Щербачих происходил консилиум, долженствовавший решить, в каком положении находится здоровье Кити и что нужно предпринять для восстановления ее ослабевающих сил. Она была больна, и с приближением весны здоровье ее становилось хуже. Домашний доктор давал ей рыбий жир, потом велел, потом аллил, но так как ни то, ни другое, ни третье не помогало и так как он советовала от весны уехать за границу, то приглашен был знаменитый доктор. Знаменитый доктор, не старый еще, весьма красивый мужчина, потребовал осмотра больной. Он с особенным удовольствием, казалось, настаивал на том, что девичья стыдливость есть только остаток варварства и что нет ничего естественнее, как то, чтоб еще не старый мужчина оцупывала молодую обнаженную девушку. Он изложил это естественным, потому что делал это каждый день и при этом ничего не чувствовал и не думал, как ему казалось, дурного и поэтому стыдливость в девушке он считал не только остатком варварства, но и оскорблением себе.

Надо было покориться, так как, несмотря на то, что все доктора учились в одной школе, по одним и тем же книгам, знали одну науку, и несмотря на то, что некоторые говорили, что этот знаменитый доктор был дурной доктор, в доме княгини и в ее кругу было признано почему-то, что этот знаменитый доктор один знает что-то особенное и один может спасти Кити.

Настоящее издание, с. 79.

«Левин стал на ноги, снял пальто, и, разбежавшись по шершавому у домика льду, выбежал на гладкий лёд и покатился без усилия, как будто одною своею волей убыстряя, укорачивая и направляя бег. Он приблизился к ней с робостью, но опять её улыбка успокоила его». (Наст. изд., с. 28).

— Боже мой! Прости меня! — всхлипывая, говорила она, прижимая к своей груди его руки. Она чувствовала себя столь преступною и виноватою, что ей оставалось только унижаться и просить прощения: а в жизни теперь, кроме его, у ней никого не было, так что она и к нему обращала свою мольбу о прощении. Она, глядя на него, физически чувствовала свое унижение и ничего больше не могла говорить. Он же чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни. Это тело, лишенное им жизни, была их любовь, первый период их любви. Было что-то ужасное и отвратительное в воспоминаниях о том, за что было заплачено этою странною ценою стыда. Стыд пред духовною наготою своей давил ее и сообщался ему. Но, несмотря на весь ужас убийцы пред телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что убийца приобрел убийством.

И с олаблением, как будто со страстью, бросается убийца на это тело, и тащит, и режет его; так и он покрывала пошелуями ее лицо и плечи. Она держала его руку и не шевелилась. Да, эти пошелуи — то, что куплено этим стыдом. Да, и эта одна рука, которая будет всегда моею, — рука моего сообщника. Она подняла эту руку и поцеловала ее. Он опустился на колена и хотел видеть ее лицо; но она прятала его и ничего не говорила. Наконец, как бы сделав усилие над собой, она поднялась и оттолкнула его. Лицо ее было все так же красиво, но тем более было оно жалко.

— Все кончено, — сказала она. — У меня ничего нет, кроме тебя. Помни это.

— Я не могу не помнить того, что есть моя жизнь. За минуту этого счастья...

— Какое счастье! — с отвращением и ужасом сказала она, и ужас невольно сообщился ему. — Ради бога, ни слова, ни слова больше.

Она быстро встала и отстранилась от него.

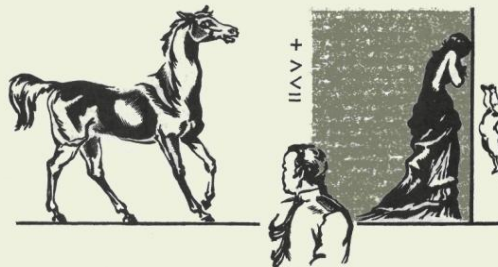
— Ни слова больше, — повторяла она, и с странным для него выражением холодного отчуждения на лице она рассталась с ним. Она чувствовала, что в эту минуту не могла выразить словами того чувства стыда, радости и ужаса пред этим вступлением в новую жизнь и не хотела говорить об этом, опондывать это чувство неточными словами. Но и после, ни на другой, ни на третий день, она не только не нашла слов, которыми бы она могла выразить всю сложность этих чувств, но не находила и мыслей, которыми бы она сама с собой могла обдумать все, что было в ее душе.

Она говорила себе: «Нет, теперь я не могу об этом думать; после, когда я буду спокойнее».

Но это спокойствие для мыслей никогда не наступало; каждый раз, как являлась ей мысль о том, что она сделала, и что с ней будет, и что она должна сделать, на нее находил ужас, и она отгоняла от себя эти мысли.

— После, после, — говорила она, — когда я буду спокойнее.

Зато во сне, когда она не имела власти над своими мыслями, ее положение представлялось ей во всей безобразной наготе своей. Одно сновидение почти каждую ночь посещало ее. Ей снилось, что оба вместе были ее мужья, что оба расточали ей свои ласки. Алексей Александрович плакал, целуя ее руки, и говорил: как хорошо теперь! И Алексей Вронский был тут же, и он был также ее муж. И она, удивляясь тому, что прежде ей казалось это невозможным, объясняла им, смеясь, что это гораздо проще и что они оба теперь довольны и счастливы. Но это сновидение, как кошмар, давило ее, и она просыпалась с ужасом.

Вронский умышленно избегал той избранной, великосветской толпы, которая сдержанно и свободно двигалась и перетоваривалась пред беседками. Он узнал, что там была и Каренина, и Бетси, и жена его брата, и нарочно, чтобы не разлучиться, не подходил к ним. Но беспрестанно встречавшиеся знакомые останавливали его, рассказывая ему подробности бывших скачек и спрашивая его, почему он опоздал.

В то время как скакавшие были призваны в беседку для получения призов и все обратилось туда, старший брат Вронского, Александр, полковник с эвельбантами, невысокий ростом, такой же коренастый, как и Алексей, но более красивый и румяный, с красным носом и пыльным, открытым лицом, подошел к нему.

— Ты получила мою записку? — сказал он. — Тебя никогда не найдешь.

Александр Вронский, несмотря на разгульную, в особенности пьяную жизнь, которой он был известен, был вполне придворный человек.

Он теперь, говори с братом о неприятной вестма для него вещи, зная, что глаза многих шутки бы устремлены на них, имея вид улыбающийся, как будто он о чем-нибудь неважном шутит с братом.

— Я получила и, право, не понимаю, о чем ты заботишься, — сказал Алексей.

— Я о том забочусь, что сейчас мне было замечено, что тебя нет и что в понедельник тебя встретят в Петербурге.

— Есть дела, которые подлежат обсуждению только тех, кто прямо в них заинтересован, и то дело, о котором ты так заботишься, — такое...

— Да, но тогда не служай, не...

— Я тебя прошу не вмешиваться, и только.

Намуренное лицо Алексея Вронского победило, и выходящая нижняя челюсть его дрогнула, что с ним бывало редко. Он, как человек с очень добрым сердцем, сердился редко, но когда он сердился и когда у него дрожали подбородок, то, как и знал это Александр Вронский, он был опасен. Александр Вронский весело улыбнулся.

— Я только хотел передать письмо матушки. Отвечай ей и не расстраивай пред ездой. Волпе chance¹, — прибавил он, улыбаясь, и отошел от него.

¹ Желая удачи (франц.).

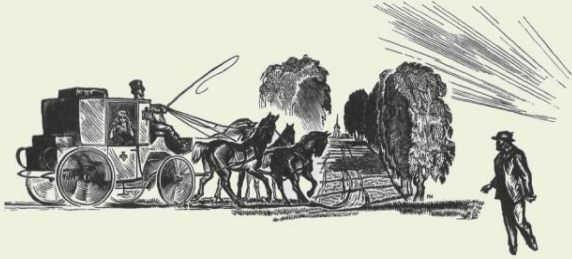
Сергей Иванович Козышев хотел отдохнуть от умственной работы и, вместо того чтобы отправиться, по обыкновенно, за границу, приехал в конце мая в деревню к брату. По его убеждениям, самая лучшая жизнь была деревенская. Он приехал теперь наслаждаться этою жизнью к брату. Константин Левин был очень рад, тем более что он не ждал уже в это лето брата Николая. Но, несмотря на свою любовь и уважение к Сергею Ивановичу, Константину Левину было в деревне недовою с братом. Ему недовольно, даже неприятно было видеть отношение брата к деревне. Для Константина Левина деревня была место жизни, то есть радости, страданий, труда; для Сергея Ивановича деревня была, с одной стороны, отдых от труда, с другой — полезное противодействие испорченности, которое он принимал с удовольствием и сознанием его пользы. Для Константина Левина деревня была тем хороша, что она представляла попрание для труда несомненно полезного; для Сергея Ивановича деревня была особенно хороша тем, что там можно и должно ничего не делать. Кроме того, и отношение Сергея Ивановича к народу несколько коробоило Константина. Сергей Иванович говорил, что он любит и знает народ, и часто беседовал с мужиками, что он умеет делать хорошо, не притворяясь и не ломаясь, и из каждой такой беседы выводил общие данные в пользу народа и в доказательство, что знал этот народ. Такое отношение к народу не нравилось Константину Левину. Для Константина народ был только главный участник в общем труде, и, несмотря на все уважение и какую-то кровную любовь к мужику, воссаную им, как он сам говорил,

я смотрел на небо, и на нем ничего не было — только две белые полосы. Да, вот так-то незаметно изменились и мои взгляды на жизнь!

Он вышел из луга и пошел по большой дороге к деревне. Поднимался ветерок, и стало серо, мрачно. Наступила пасмурная минута, предшествующая обыкновенно рассвету, полной победе света над тьмой.

Пожимаясь от холода, Левин быстро шел, глядя на землю. «Это что? кто-то едет», — подумал он, услышав бубенцы, и поднял голову. В сорока шагах от него, ему навстречу, по той большой дороге-муравке, по которой он шел, ехала четвертая карета с важиан. Дышлового лошади жались от колеи на дышло, но локви ямщик, боком сидевший на козлах, держал дышло по колее, так что колеса бежали по гладкому.

Только это заметил Левин и, не думая о том, кто это может ехать, рассеянно взглянул в карету.

В карете дремала в углу старушка, а у окна, видимо только что проснувшись, сидела молодая девушка, держась обеими руками за ленточки белого чепчика. Светлая и задумчивая, вся исполненная изысканной и сложной внутренней, чуждой Левину жизни, она смотрела через него на зарю восхода.

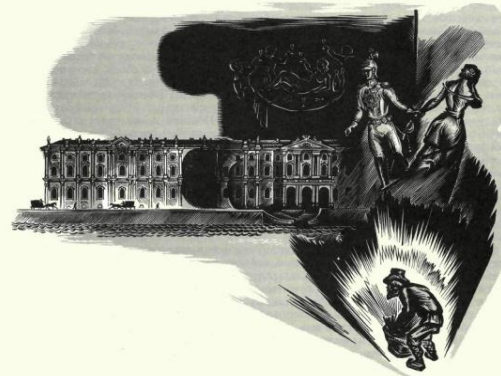
В то самое мгновение, как виденье это уж исчезало, правдивые глаза взглянули на него. Она узнала его, и удивленная радость осветила ее лицо.

Он не мог ошибиться. Только один на свете были эти глаза. Только одно было на свете существо, способное сосредоточивать для него весь свет и смысл жизни. Это была Анна. Это была Кити. Он понял, что она ехала в Эрлуфово со станции железной дороги. И все то, что колдовало Левина в эту бессонную ночь, все те решения, которые были выты им, все вдруг исчезло. Он с отвращением вспомнил свои мечты женитьбы на крестьянке. Там только, в этой быстро удалявшейся и переехавшей на другую сторону дороги карете, там только была возможность разрешения столь мучительно тяготевшей его в последнее время загадки его жизни.

Она не взглянула больше. Звук ресор перестал быть слышен, чуть слышимы стали бубенчики. Лай собак показал, что карета проехала и деревню, — и остались вокруг пустые поля, деревья впереди и он сам, одинокий и чуждый всему, одиноко идущий по заброшенной большой дороге.

Он взглянул на небо, надеясь найти там ту раковину, которую он любовался и которая олицетворяла для него весь ход мыслей и чувств внешней ночи. На небе не было более ничего похожего на раковину. Там, в недостижимой высоте, совершилась уже таинственная перемена.

Настоящее издание, с. 173.

I

Каренины, муж и жена, продолжали жить в одном доме, встречались каждый день, но были совершенно чужды друг другу. Алексей Александрович за правило поставил каждый день видеть жену, для того чтобы прислуга не имела права делать предположения, но избегал обедов дома. Вронский никогда не бывал в доме Алексея Александровича, но Анна видела его вне дома, и муж знал это.

Положение было мучительно для всех троих, и ни один из них не в силах был бы прожить и одного дня в этом положении, если бы не ожидал, что оно изменится и что это только временное горестное затруднение, которое пройдет. Алексей Александрович ждал, что страсть эта пройдет, как и все проходит, что все про это забудут и имя его останется неопозоренным. Анна, от которой зависело это положение и для которой оно было мучительнее всех, переносила его потому, что она не только ждала, но твердо была уверена, что все это очень скоро развяжется и уляжется. Она решительно не знала, что развяжет это положение, но твердо была уверена, что это что-то придет теперь очень скоро. Вронский, невольно подчинившись ей, тоже ожидал чего-то независимого от него, долженствовавшего разъяснить все затруднения.

В середине зимы Вронский провел очень скучную неделю. Он был приставлен к прискавшему в Петербург иностранному принцу и должен был показывать ему достопримечательности Петербурга. Вронский сам был представителем, кроме того, обладал искусством держать себя достойно-почтительно и имел привычку в обращении с такими лицами; потому он

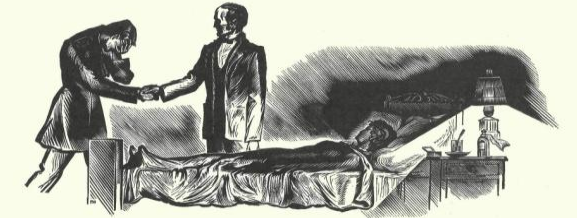
Настоящее издание, с. 217.

звали? — она хуже была. И я поеду в Рим, там пустыни, и тогда я никому не буду мешать, только Сережу возьму и девочку... Нет, ты не можешь простить! Я знаю, этого нельзя простить! Нет, нет, уйди, ты слишком хороша! — Она держала одною горячею рукой его руку, другою отталкивала его.

Душевное расстройство Алексея Александровича все усилывалось и дошло теперь до такой степени, что он уже перестал бороться с ним; он вдруг почувствовал, что то, что он считал душевным расстройством, было, напротив, блаженное состояние души, давшее ему вдруг новое, никогда не испытанное им счастье. Он не думал, что тот христианский закон, которому он всю жизнь свою хотел следовать, предписывал ему прощать и любить своих врагов; но радостное чувство любви и прощения к врагам наполнило его душу. Он стоял на козлах и, положив голову на стиб ее руки, которая жгла его огнем через кофту, рыдал, как ребенок. Она обняла его плахиющую голову, подвинулась к нему и с вызывающею гордостью подняла вверх глаза.

— Вот он, я знала! Теперь прощайте все, прощайте!.. Опять они пришли, отчего они не выходят?... Да снимите же с меня эти шубы!

Доктор отнял ее руки, осторожно положил ее на подушку и накрыл с плечами. Она покорно легла навзничь и смотрела пред собой сияющим взглядом.

— Помни одно, что мне нужно было одно прощение, и ничего, больше я ничего не хочу... Отчего ж он не придет? — заговорила она, обращаясь в дверь к Вронскому. — Подойди, подойди! Подойди ему руку.

Вронский подошел к краю кровати и, увидя ее, опять закрыл лицо руками.

— Открой лицо, смотри на него. Он святой, — сказала она. — Да открой, открой лицо! — сердито заговорила она. — Алексей Александрович, открой ему лицо! Я хочу его видеть.

Алексей Александрович взял руки Вронского и отвел их от лица, ужасного по выражению страдания и стыда, которые были на нем.

— Подойди ему руку. Прости его.

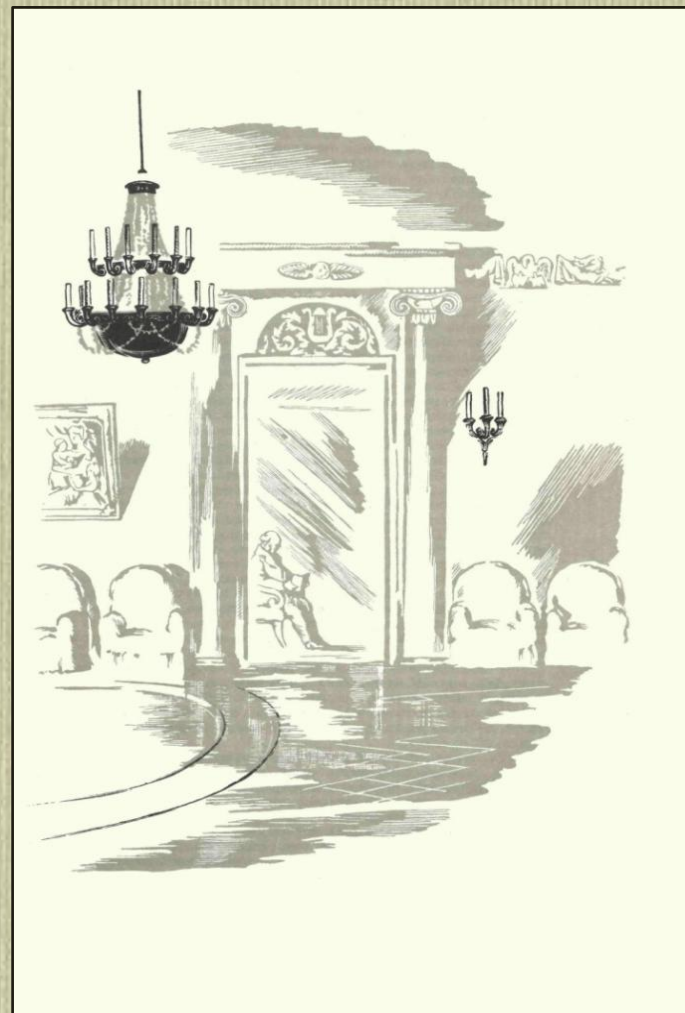
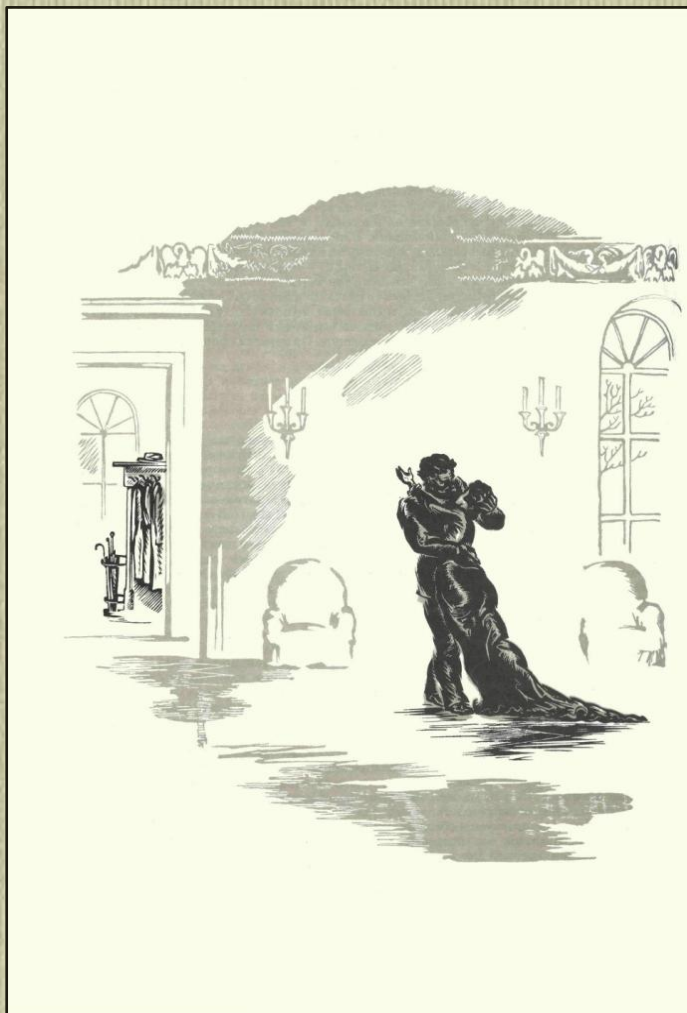
Алексей Александрович подал ему руку, не удерживая слез, которые лились из его глаз.

— Слава богу, слава богу — заговорила она — теперь все готово. Только невозможно выгнуть ноги. Вот так, вот прекрасно. Как эти цветы сделаны без вкуса, совсем не похоже на фиалку, — говорила она, указывая на обои. — Боже мой, боже мой! Когда это кончится? Дайте мне морфины. Доктор! дайте же морфины. Боже мой, боже мой!

И она заматалась на постели.

Настоящее издание, с. 253.

«Она сделала всё, что могла, – она подбежала к нему, и отдалась вся, робея и радуясь. Он обнял её и прижал губы к её рту, искавшему его поцелуя». (Наст. изд., с. 248).

1

Книжница

Княгиня Щербачка находила, что сделать свадьбу до поста, до которого оставалось пять недель, было невозможно, так как половина приданого не могла поспеть к этому времени; но она не могла не согласиться с Левиным, что после поста было бы уже и слишком поздно, так как старая родная тетка князя Щербачего была очень больна и могла скоро умереть, и тогда траур задержал бы еще свадьбу. И потому, решив разделить приданое на две части, большое и малое приданое, княгиня согласилась сделать свадьбу до поста. Она решила, что малую часть приданого она приготовит всего теперь, большое же вышлет после, и очень сердилась на Левина за то, что он никак не мог серьезно ответить ей, согласен ли он на это, или нет. Это соображение было тем более удобно, что молодые ехали тотчас после свадьбы в деревню, где вещи большого приданого не будут нужны.

Левин продолжал находить все в том же состоянии сумасшествия, в котором ему казалось, что он и его счастье составляют главную и единственную цель всего существующего и что думать и заботиться теперь ему ни о чем не нужно, что все делается и сделается для него другими. Он даже не имел никаких планов и целей для будущей жизни; он предоставлял решение этого другим, зная, что все будет прекрасно. Брат его Сергей Иванович, Степан Аркадьич и княгиня руководили его в том, что ему следовало делать. Он только был совершенно согласен на все, что ему предлагали. Брат занял для него денег, княгиня

— Да были бы,—сказал он грустно.—Вот именно один из тех людей, о которых говорят, что они не для этого мира.

— Однако нам много предстоит дней, надо ложиться,—сказала Кити, взглянув на свои крошечные часы.

XX

Смерть

На другой день больного причастили и соборovali. Во время обряда Николай Левин горючо молился. В больших глазах его, устремленных на поставленный на ломберном, покрытом цветною салфеткой столе образ, выражалась такая страстная мольба и надежда, что Левину было ужасно смотреть на это. Левин знал, что эта страстная мольба и надежда сделают только еще тяжелее для него разлуку с жизнью, которую он так любил. Левин знал брата и ход его мысли;

он знал, что неверие его произошло не потому, что ему легче было жить без веры, но потому, что шаг за шагом современно-научные объяснения явлений мира вытеснили верования, и потому он знал, что теперешнее возвращение его не было законное, совершившееся путем той же мысли, но было только временное, корыстное, с безумною надеждою исцеления. Левин знал тоже, что Кити усматривала эту надежду еще рассказы о слышанных ею необыкновенных исцелениях. Все это знала Левин, и ему мучительно больно было смотреть на этот умоляющий, полный надежды взгляд и на эту иссушающую кисть руки, с трудом поднимавшуюся и впадающую зрительно в замешательство на эту обмякший лоб, на эти выдвинувшиеся плечи и хрипящую пустую грудь, которые уже не могли вместить в себе той жизни, о которой больной просил. Во время таинства Левин молился тоже и делал то, что он, неверующий, тысячу раз делал. Он говорил, обращаясь к богу: «Сделай, если ты существуешь, то, чтоб исцелился этот человек (ведь это самое повторялось много раз), и ты спасешь его и меня».

После поминания больному стало вдруг гораздо лучше. Он не кашлял ни разу в продолжение часа, уймался, целовал руки Кити, со слезами благодаря ее, и говорил, что ему хорошо, нигде не больно и что он чувствует аппетит и силу. Он даже сам подвигался, когда ему принесли суп, и попросил еще котлету. Как ни безнадежен он был, как ни очевидно было при взгляде на него, что он не может выздороветь, Левин и Кити находились этот час в одном и том же состоянии и робком, как бы не ошибиться, возбуждении.

— Лучшее!—Да, гораздо!—Удивительно.—Ничего нет удивительного.—Все-таки лучше,—говорили они шепотом, уймался друг другу.

Облашение это было непродолжительно. Больной занул спокойно, но чрез полчаса кашель разбудил его. И вдруг исчезли все надежды и в окружающих его и в нем самом.

304

1

Дарья

Дарья Александровна проводила лето с детьми в Покровском, у сестры Кити Левинной. В ее имение дом совсем развалился, и Левин с женой уговорили ее провести лето у них. Степан Аркадьич очень одобрил это устройство. Он говорил, что очень сожалеет, что служба мешает ему провести с семейством лето в деревне, что для него было бы высшим счастьем, и, оставаясь в Москве, приезжал изредка в деревню на день и два. Кроме Облонских со всеми детьми и гувернанткой, в это лето гостила у Левиных еще старая княгиня, считавшая своим долгом сидеть за непопулярною дочерью, находившеюся в таком положении. Кроме того, Варенька, заграничная приятельница Кити, исполнила свое обещание приехать к ней, когда Кити будет замужем, и гостила у своего друга. Все это были родные и друзья жены Левина. И хотя он всех их любил, ему немного жалко было своего левинского мира и порядка, который был заглушаем этим жалким «щербачего аments», как он говорил себе. Из его родных гостил в это лето у них один Сергей Иванович, но и тот был не левинского, а козыньевского склада человек, так что левинский дух совершенно уничтожался.

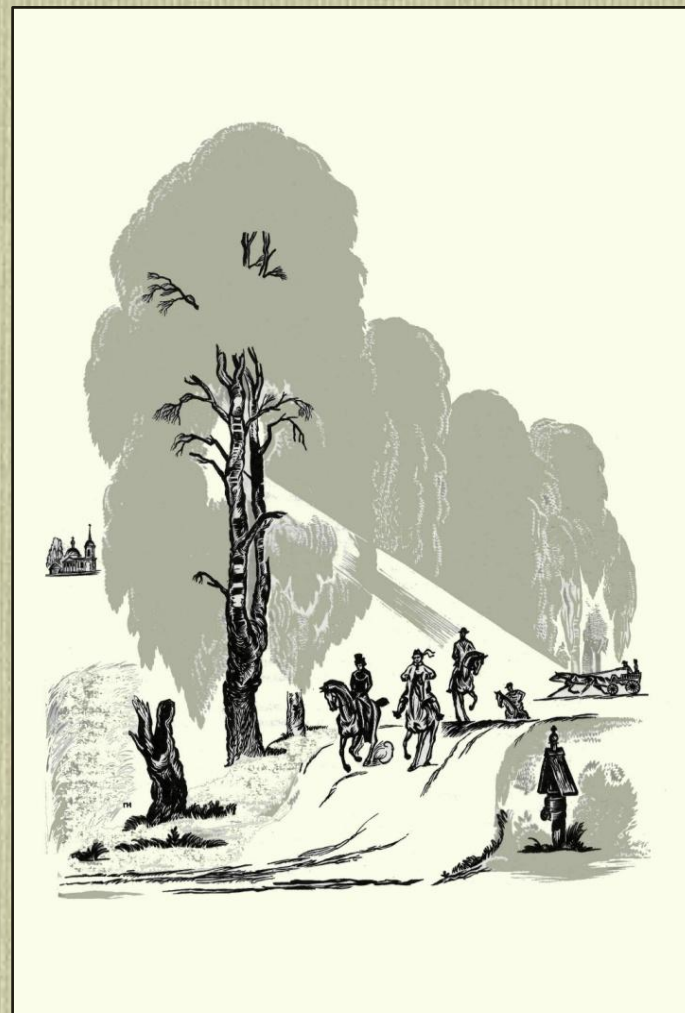
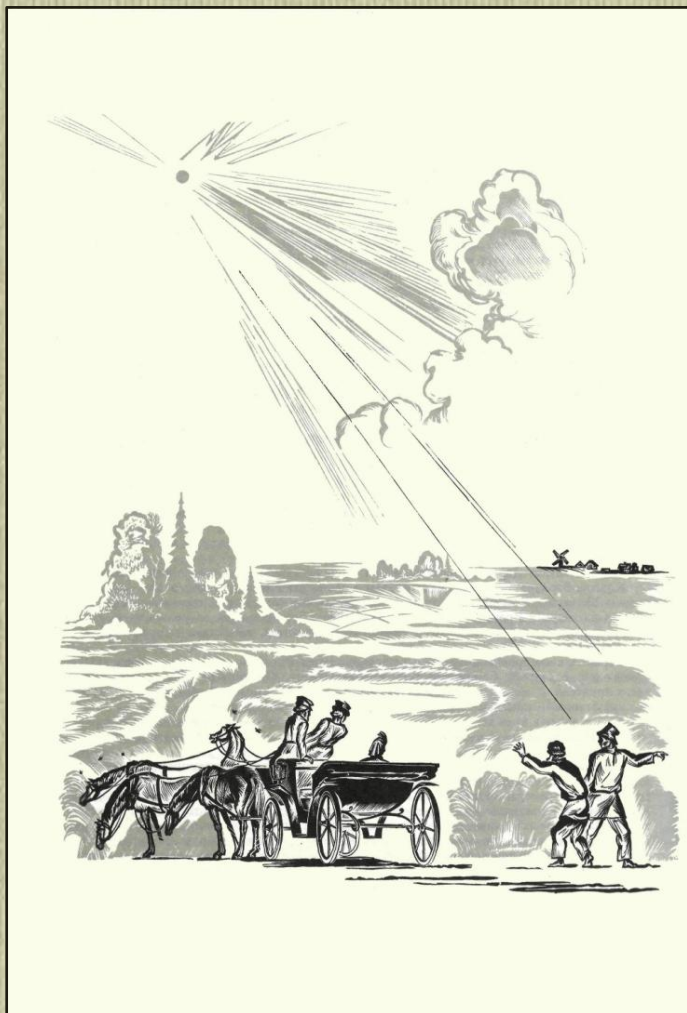
В левиנסком давно пустынном доме теперь было так много народа, что почти все комнаты были заняты, и почти каждый день старой княгине приходилось садясь за стол, пересчитывать всех и отсчитывать тринадцатого звонка или звонку за особенный стол. И для Кити, старательно занимавшейся хозяйством, было немало хлопот о приобретении кур, индюшек, уток, которых при летних аппетитах гостей и детей выходило очень много.

Настоящее издание, с. 269.

Настоящее издание, с. 304.

Настоящее издание, с. 335.

«– Глянь-ка. Энта в портах женщина? – сказал один из них, указывая на сядившего на дамское седло Васеньку Весловского.

– Не, мужик. Вишь, как сигнул ловко!

– Что, ребята, спать, видно, не будем?

– Какой сон нынче! – сказал старик, искосясь поглядев на солнце. – Полдни, смотри, прошли! Бери крюки, заходи!»
(Наст. изд., с. 372).

1

Левини жила уже третий месяц в Москве. Уже давно прошел тот срок, когда, по самым верным расчетам людей, знающих эти дела, Кити должна была родить; а она все еще носила, и ни по чему не было заметно, чтобы время было ближе теперь, чем два месяца назад. И доктор, и акушерка, и Доли, и мать, и в особенности Левин, без ужаса не могли подумать о приближающемся, начинала испытывать нетерпение и беспокойство; одна Кити чувствовала себя совершенно спокойной и счастливой.

Она теперь ясно сознавала зарождение в себе нового чувства любви к будущему, отчасти для нее уже настоящему ребенку и с наслаждением прислушивалась к этому чувству. Он теперь уже не был вполне частью ее; а иногда жила и своею независимой от нее жизнью. Часто ей бывало больно от этого, но вместе с тем хотелось смеяться от странной новой радости.

Все, кого она любила, были с нею, и все были так добры к ней, так ухаживали за нею, так одно приятное во всем представлялось ей, что если б она не знала и не чувствовала, что это должно скоро кончиться, она бы и не желала лучшей и приятнейшей жизни. Одно, что портило ей прелесть этой жизни, было то, что муж ее был не тот, каким она любила его и каким он бывал в деревне.

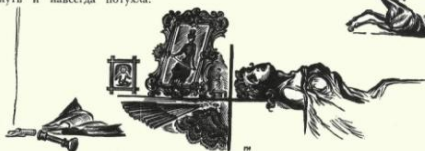
Она любила его спокойный, ласковый и гостеприимный тон в деревне. В городе же он постоянно казался беспокоен и настороже, как будто боясь, чтобы кто-нибудь не обидел его и,

Молодые люди не оставляя ее в покое. Они опять, заглядывая ей в лицо и со смехом крича что-то вентуральным голосом, прошли мимо. Начальник станции, проходя, спросил, идет ли она. Мальчик, продавец явасу, не слушая с нее глаз: «Боже мой, куда жид?» — все дамы и дамы ушли по платформе, думала она. У конца она остановилась. Дамы и дети, встретившие господина в очках и громко смеявшиеся и говорившие, замолкли, оглядывая ее, когда она поравнялась с ними. Она ускорила шаг и отошла от них к краю платформы. Подходила товарный поезд. Платформа затряслась, и ей показалось, что она едет опять.

И вдруг, вспомнив о раздававшемся человеке в день ее первой встречи с Вронским, она поняла, что ей надо делать. Быстрым, легким шагом спустившись по ступенькам, которые шли от водочапки к рельсам, она остановилась подле влопья мимо ее проходящего поезда. Она смотрела на низ вагонов, на винты и цепи и на высокие чугунные колеса медленно катившегося первого вагона и глазомером старалась определить середину между передними и задними колесами и ту минуту, когда середина эта будет против нее.

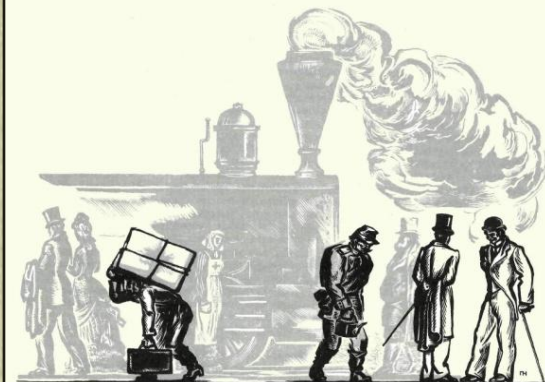
«Туда!» — говорила она себе, глядя в тень вагона, на смешанный с углем песок, которым были засыпаны шпалы, — туда, на самую середину, и я накажу его и избавлюсь от всех и от себя».

Она хотела упасть под порывавшийся с ней серединою первый вагон. Но красивый мешочек, который она стала снимать с руки, задержал ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать следующего вагона. Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти в воду, охватывало ее, и она перекрестилась. Привычный жест крестного знамения вызвал в душе ее целый ряд девичьих и детских воспоминаний, и вдруг мрак, покрывавший для нее все, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновение со всеми ее светлыми прошедшими радостями. Но она не спускала глаз с колес следующего второго вагона. И ровно в ту минуту, как середина между колесами поравнялась с нею, она откинула красивый мешочек и, являя в плечи голову, упала под вагон на руки и легким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустила на колена. И в то же мгновение она уяснилась тому, что делала. «Где я? Что я делаю? Зачем?» Она хотела подняться, откинуться; но что-то огромное, неизмеримое толкнуло ее в голову и потащило за спину. «Осподи, прости мне все!» — проговорила она, чувствуя невозможность борьбы. Мужичок, приговаривая что-то, работая над железом. И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла.

Настоящее издание, с. 407.

Настоящее издание, с. 462.

1

Прошло почти два месяца. Была уже половина жаркого лета, а Сергей Иванович только теперь собрался выехать из Москвы.

В жизни Сергея Ивановича происходили за это время свои события. Уже с год тому назад была кончена его книга, плод шестилетнего труда, озаглавленная: «Отчет обзора основ и форм государственности в Европе и в России». Некоторые отделимы этой книги и введение были печатаны в повременных изданиях, и другие части были читаны Сергеем Ивановичем людям своего круга, так что мысли этого сочинения не могли быть уже совершенной новостью для публики; но все-таки Сергей Иванович ожидал, что книга его появлением своим должна будет произвести серьезное впечатление на общество и если не переворот в науке, то, во всяком случае, сильное волнение в ученом мире.

Книга эта после тщательной отделки была издана в прошлом году и разослана книгопродавцам.

Ни у кого не спрашивая о ней, неохотно и притворно-равнодушно отвечая на вопросы своих друзей о том, как идет его книга, не спрашивая даже у книгопродавцев, как покупается она, Сергей Иванович зорко, с напряженным вниманием следил за тем первым впечатлением, какое произведет его книга в обществе и в литературе.

30. Анна Каренина.

Настоящее издание, с. 465.

***За представленными на выставке изданиями приглашаем
в Зональную научную библиотеку имени В. А. Артисевич СГУ
(ул. Университетская, 42)***

